

Роман Грибанов

ЦЕНА ОШИБКИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Роман Грибанов

Цена ошибки

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Грибанов Р. Б.

Цена ошибки / Р. Б. Грибанов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-120138-8

И все-таки это случилось. Еще не успели накопить ядерных арсеналов, способных уничтожить планету несколько раз. И генералы считают ядерное оружие лишь более мощным средством для достижения своих целей. Эта книга об атомной войне, в которую превратился Карибский кризис. Американцы, немцы, русские – все народы оказались причастны к этой войне. Хотя это обычные люди: кто-то кадровый военный, кого-то заставили надеть военную форму неумолимые обстоятельства, а кто-то просто добросовестно ходит на простую, рутинную работу. И когда цепь случайностей приводит к атомному пожару, происходят события, немыслимые в происшедших ранее войнах. Так сможет кто-нибудь победить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-120138-8

© Грибанов Р. Б., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Вступление	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Борисович Грибанов

Цена ошибки

© Роман Грибанов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Вступление

Наверное, некоторым читателям будет интересно узнать, как вообще появилась эта книга. Всё началось полтора года назад, когда Владимир Ильич Контровский начал писать свой новый роман «Конец света на бис», одновременно выкладывая его на «Самиздате» для обсуждения. Тема противостояния двух великих держав в Карибском кризисе неоднократно поднималась в литературе, как в исторической, так и в художественной. Никогда прежде и никогда после октября 1962 года мир не стоял так близко к атомной войне. Можно сказать, планета Земля прошла по тонкому волоску над пропастью того ужаса, по сравнению с которым все прежние войны выглядят безобидными драками мальчишек в песочнице. Тем более что военные уставы и доктрины всех стран, обладающих к 1962 году атомным оружием, совершенно не рассматривали это оружие как что-то особенное или запретное. Военные этих стран относились к нему как к просто еще одной более мощной бомбе, которая позволяет решать обычные задачи гораздо быстрее и с гораздо меньшими силами. Обсуждение было бурным, мнения были зачастую противоположны, я сначала принимал участие в дискуссиях с чисто технической точки зрения. Переписывался с Владимиром по электронной почте. Потом появился небольшой мой отрывок в произведении Владимира Ильича, который постепенно превратился в три главы в его книге. А потом Владимир Ильич Контровский скончался, не успев увидеть свою книгу в печати. Будет ли издан «Конец света на бис», неизвестно, это решать наследникам Владимира Ильича и издателям. А передо мною встал вопрос: а что дальше? И я решил дописать эти главы до полноразмерного произведения. И, скорее всего, не единственного.

Пролог

2 августа 1943 года, Соломоновы острова, 10 миль к северо-востоку от острова Коломбангара, эсминец Императорского флота «Сигурэ»

История не знает сослагательного наклонения. В этой реальности. Но иногда у людей возникают вопросы: «А что было бы, если?..» В ночь на 2 августа 1943 года эсминец императорского флота «Сигурэ» прошел мимо горящих половинок американского торпедного катера РТ-109, протараненного минутой ранее эсминцем «Амагири» из того же отряда. А как повернулась бы история, если бы капитан Тамеичи Хара, командовавший отрядом, или капитан-лейтенант Кимио Ямагами, командир эсминца «Сигурэ», дали бы приказ добить эти обломки? Командира торпедного катера РТ-109 US NAVY, цеплявшегося за один из обломков, звали Джон Фицджеральд Кеннеди.

В 1960-м президентские выборы в США выиграл кандидат от республиканской партии, сенатор от штата Аризона Барри Морис Голдуотер. 14 октября 1962-го американцам стало известно об операции «Анадырь» и о том, что на Кубе уже находятся советские ракеты. А 22 октября 1962-го президент США Голдуотер, «Бешеный Барри», как его успели окрестить репортеры, обратился к американскому народу. Он сообщил ему в своей речи о наличии на Кубе советских атомных ракет, потребовал от СССР их немедленного вывода – угрожая в противном случае прибегнуть к силе – и объявил военную блокаду Кубы, требуя от всех направляющихся на Кубу судов остановки и предъявления груза к досмотру. В случае отказа капитана корабля допустить на борт осмотрную команду, ВМС США предписывалось арестовать корабль и отконвоировать его в американский порт. 22 октября на подходе к острову и в зоне блокады находилось двадцать два советских судна. Министр морского флота СССР Бакаев предложил руководству страны находящиеся на подходе к Кубе шесть судов ввести в кубинские порты. Решение было принято, и шесть судов (включая судно «Александровск», перевозившее ядерные боеприпасы – двадцать четыре боеголовки для ракет Р-14 и сорок четыре боеголовки для оперативно-тактических ракет, – и два судна, загруженные ракетами Р-14, оборудованием и личным составом РВСН), 22–23 октября прибыли в порты Кубы. Остальные суда повернули назад, в порты СССР. 25 октября 1960 года президент США Барри Голдуотер отдал приказ американским военно-морским силам в Карибском море в зоне блокады «не останавливаться перед применением оружия против советских подводных лодок, не желающих всплыть».

Глава 1

Интерлюдия

1 июля 1962 года, УССР, город Кировоград. Территория 159-й ракетной бригады
Полковник Устинов смотрел на лежащий перед ним документ с откровенной неприязнью.

– Они там наверху, что, охренели? За два месяца сформировать третий дивизион! Да еще с переформированием всей бригады с армейских на фронтовые штаты! Мы с переходом всей бригады на новую технику только-только расхлебались! И офицеров кадровых некомплект. А где их взять? Ракетные войска бурно растут, весь выпуск этого года военно-воздушной инженерной академии Можайского, «кузницы» офицеров-ракетчиков, уйдет в новые полки РВСН, второй год подряд. Из артиллерийской академии имени Калинина нет никого, и вообще там чехарда с переформированиями и переездами никак не закончится. Хорошо хоть, из артиллерийской инженерной академии Дзержинского, где тоже начали готовить ракетчиков, дали только одного, но отличного, фронтовика, Героя. Так что хоть должность комдива-три закрыта безусловно. Комбаты тоже есть из кадровых. А вот на должности СО и НСО¹ придется в стартовые батареи ставить офицеров, призванных из запаса.

Надо отправить в кадры Минобороны запрос на прошлогодних курсантов, которые уже должны окончить Тульский механический, они хоть произвели хорошее впечатление, да и военная кафедра в этом институте одна из самых оснащенных. Во всяком случае, там есть ангар со всей техникой стартовой и технических батарей комплекса с ракетами Р-11М. Офицеры кафедры, прибывшие с курсантами, докладывали, что за время обучения все курсанты по десятку раз отработали упражнение перевода пусковой установки из готовности номер три в номер один и проводили учения по заправке, стыковке и перегрузке ракет.

Он снял трубку телефона.

– Дежурный! Майор Остащенко прибыл в распоряжение? Отлично! Давай его сразу ко мне!

Через пару минут в кабинет вошел плотный высокий майор со звездой Героя Советского Союза на груди.

– Товарищ полковник! Майор Остащенко по вашему приказанию прибыл.

– Проходи, майор, садись. И давай сразу без официальнойщины, работы нам сейчас предстоит выше крыши. Сформировать твой новый, третий дивизион, да еще вдобавок дополнительные стартовые батареи в двух существующих. На новой технике, только полгода как ее бригада получила! Но техники еще неполный комплект дали. Знаю, что ты только что академию окончил и о новом комплексе имеешь только общее представление. Но он от Р-11 не сильно отличается, только новая ракета и гусеничная самоходная пусковая 2П19 вместо 8К11 и стартового агрегата 8У218. И я тебе даю опытного замкомандира дивизиона по вооружению, Павлова. Он с самого начала участвовал в переходе бригады на новую технику. И еще одного фронтовика, капитан Живодеров, с весны сорок третьего воевал. Остальные офицеры пороку не нюхали, а двух вообще еще нет, вдобавок эти будут из запаса призваны. Я постараюсь, чтоб

---

¹ НСО – начальник стартового отделения (пусковой установки) ракетного комплекса 9К72 (Scud, по классификации НАТО). Обычно лейтенант, старший лейтенант. Командует стартовым расчетом (1-й – 8-й номера: 1-й, 4-й номера обслуживают пусковую установку при подготовке к старту; 5-й, 6-й номера – механики-водители пусковой установки), СО и НРНР пусковой установки 2П19, обмывочно-нейтрализационной машиной 8Т311 (на базе ЗиЛ-157, водитель – 7-й номер), бортовым ЗиЛ-157, водитель – 8-й номер. СО – старший оператор пусковой установки. Тоже лейтенант, старший лейтенант. НРНР – начальник расчета наведения ракеты, старшина (прапорщик), командует расчетом наведения (входящим в состав стартового отделения, 2-й и 3-й номера).

это были те, кто у нас сборы проходил, их хоть чуть-чуть учить легче будет. Сам решишь, кого куда.

– Да уже решил. Если комбат у меня один фронтовик будет, то запасников к нему в батарею, только разбить их по отделениям, чтоб хоть один кадровый офицер в отделениях был. И еще, из старшин, кто НРНР, поопытнее мне в эту батарею дайте.

5 июля 1962 года, Красноармейск, Московская область. Территория НИИ-58, конструкторский корпус

– Саша, тебя в отдел кадров вызывают. Интересно, зачем?

Александр Савичев нехотя оторвался от чертежной доски и посмотрел на Леночку, работающую в его отделе секретаршей.

– Откуда ж я знаю? Наверное, с документами до сих пор путаются.

Александр был молодым специалистом, попавшим на работу только в апреле, по распределению из Тульского механического института. Если на работу он вышел на следующий день после приезда, а комнату в коммуналке ему дали уже через неделю, то куча бумаг, сопровождавших каждого инженера специальности 0539, тянулась из Тулы через Москву поштучно уже четвертый месяц.

– Я в обед туда зайду, – сказал Александр, с интересом глядя на открытые коленки девушки.

– Иди сейчас, сказали «срочно»! Я пропуск на проход уже тебе выписала. И нечего глазеть куда не просят!

«Начальнику небось можно глазеть, иначе зачем ты такую юбку надела», – подумал Александр, молча взял пропуск и не спеша пошел к проходной.

Дальнейшие события для него развивались стремительно. Зайдя в кабинет, он даже не успел раскрыть рот – начальник отдела кадров сказал грустным тоном:

– Александр, тебе из военкомата пришла повестка. Да еще вдогон военком звонил, тебе надо срочно явиться к ним. Сейчас.

Красноармейск – город маленький, от проходной НИИ до здания военкомата двадцать минут пешком. Когда Александр протянул повестку, ему сразу в ответ молча выдали лист бумаги формата А-четыре.

– Мля... – вырвалось у него.

Заголовок на бумаге гласил: «Опросный лист офицера запаса, призываемого на действительную службу в ряды Вооруженных Сил СССР».

Из оцепенения его вывел подошедший к нему военком:

– Знаю, что ты на оборонку работаешь. Но ты самой молодой из всех у нас в районе по запрошенному ВУСу². У тебя же он 430200? Сейчас получаешь документы, полдня тебе на приведение своих дел в порядок, а завтра, в одиннадцать ноль-ноль, чтоб был в Москве, в облвоенкомате.

С утра не выспавшийся и потому злой Александр к одиннадцати часам уже торчал в коридорах Московского облвоенкомата, напоминавшего развороченный муравейник. Вечером он на скорую руку организовал «проводы в армию», которые затянулись далеко за полночь. Поэтому состояние Александра очень походило на прошлогоднее, когда мужская часть его курса (почти двести человек) возвращалась в Тулу с военных сборов. Тут его мысли прервал зычный голос красномордого майора:

– Так! Внимание! Все инженерно-летные специальности – пройти дальше по коридору, комнаты от четвертой до седьмой!

– ВУС 430200 – в комнату десять на второй этаж!

---

² ВУС – военно-учетная специальность. ВУС 430200 – НСО или СО ракетного комплекса 9К72.

Пройдя в комнату, Александр обрадованно воскликнул:

– Боря! И тебя припахали!

В комнате оказался Борис Грибанов, учившийся в тульском механическом в одной группе вместе с Александром. Они даже жили в общежитии в одной комнате два последних курса. Только Борис распределился в подмосковный Калининград.

– Молодой человек, ваши документы! – прервал их начавшуюся беседу сухопарый капитан с «палец на палец»³ в петлицах.

– Отлично! Вы оба проходили сборы в в/ч 11702. Вот туда мы вас и направим.

17 сентября 1962 года. Кремль

Доклад министра обороны Малиновского:

– Никита Сергеевич, есть дополнительные предложения к операции «Анадырь».

Первое. У НАТО очень много баз в Европе, особенно в ФРГ. А мы отправили одну ракетную дивизию на Кубу. Есть предложение временно перебросить в ГСВГ фронтовые и армейские бригады оперативно-тактических ракет Р-11 и Р-17 из Киевского, Белорусского, Прибалтийского и Одесского военных округов. В местах нынешней дислокации они в случае конфликта с НАТО смогут принять участие в лучшем случае через неделю, а так можно назначить для них цели в ФРГ, перераспределив более дальнобойные Р-12 и Р-14 на цели в Испании и Англии, которые сейчас «неохваченными» получают.

Второе. С восполнением нашей промышленностью численности ракет, отправленных на Кубу в составе 51-й ракетной дивизии, и формированием новой дивизии в СССР, будем выводить эти бригады в места постоянной дислокации.

– Вот вечно вы так, до конца ни хрена не продумаете! – недовольно сказал Хрущев. – А если американцы заметят переброску?

– Бригады можно перебросить по железке в Росток, Магдебург, Галле и Эрфурт, это всего по три-четыре эшелона. Дальнейшее снабжение для них возьмут на себя существующие передвижные ракетно – технические базы ГСВГ, мы просто увеличим нормы для этих баз. А дальше бригады сами, ночными маршами, доберутся до своих позиций – мы разработали маршруты, чтоб днем бригады подивизионно отстаивались на территории наших частей и полигонов в ГДР.

– Ну, хорошо, действуйте...

25 октября 1962 года, московское время – 07:00.

На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159-й ракетной бригады

Топопривязчики 1Т12 и машина управления, с приданным БТР мотострелкового взвода охраны, на максимальной скорости обогнали колонну ракетной батареи, приехав в заданный район почти на час раньше. Командир батареи, капитан Живодеров, осмотрев вживую место, помеченное ему на карте начштаба ракетной бригады как «сп2б3д» (стартовая позиция второй батареи третьего дивизиона), озадаченно сдвинул фуражку на затылок. На карте основная стартовая позиция была указана на опушке лесного массива Леноренвальд, к западу от Дамсхагена, возле деревушки под названием Вельцин. А на деле деревушка несколько вырослась, и вместо опушки леса наблюдалась свежая аккуратная вырубка, в середине которой высилось новенькое здание с дымовой трубой. Судя по коммуникациям, тянувшимся от здания к паре новеньких невысоких фабричных корпусов, немцы недавно построили котельную. А заодно и небольшую фабрику. Большие ящики, судя по всему, с не распакованным оборудованием, стояли у въездов в корпуса. Решать надо было быстро, основная колонна дивизиона,

---

³ «Палец на палец» – перекрещенные пушки в петлицах, артиллерист (армейский сленг СССР).

целую неделю до одури тренировавшаяся в старых казармах вермахта в Ростове, уже съезжала с шоссе E22 на перекрестке возле Упаля на дорогу L03.

Решение пришло внезапно.

– Лейтенант! Привязывай две позиции – вот тут, за забором у корпуса, и тут, возле трубы, только направление заезда выбери так, чтоб пусковые установки после стрельбы могли сразу к лесу уходить, – скомандовал он командиру взвода топопривязки. – Сержант! – Это уже к комоду мотострелков. – После того как закончишь с охранением, сходи к немцам в котельной. Нужно, чтоб днем эта труба дымила и дым чтоб был погуще!

Капитан знал, что делал. Он попал в армию восемнадцатилетним пацаном в марте сорок третьего, в расчет знаменитой «катюши». И его полк гвардейских минометов почти сразу же угодил на направление главного удара под Харьковом. Тогда свежие танковые дивизии СС, переброшенные из Франции, нанесли встречный удар советским измотанным войскам, наступавшим без передышки почти от самого Сталинграда – с растянутыми тылами, изношенной техникой, почти без боеприпасов и с оставшимися в глубоком тылу аэродромами своей авиации. В итоге немцев удалось остановить ценой больших потерь, сдав Харьков в третий раз. А капитан навсегда запомнил два главных правила ракетчиков: маскировка позиции до получения приказа на удар; после удара – убежать с позиции как можно быстрее. Расчеты, пренебрегающие этими правилами, быстро оставались на своих позициях навечно, в виде кусков мяса, перемешанных с искореженным железом. Немцы, увидев шлейфы ракет, предательски тянувшиеся от пусковых во время залпа, осатанело старались накрыть местоположение «сталинских органов» артиллерией и авиацией. Потом были ранения и награды, военное училище после Победы, служба в различных уголках необъятного СССР. С академией он пролетел, застряв в капитанах – слишком много их было таких вот, сорокалетних капитанов, в Советской армии в 1962 году. С глазами, от которых добропорядочные фрау и бюргеры дружественной ГДР впадали в тихую панику.

Остальная техника батареи прибыла через два часа. К тому времени мотострелки разошлись парными патрулями по округе, отгоняя любопытных немецких пацанов; БТР и машина управления заехали во двор котельной фабрики, оказавшейся мебельной, встав около ограды. Небольшая колонна (всего-то две пусковые установки на базе ИСУ-152, два обмывщика 8ТЗ11, издали смахивающие на простые бензовозы, и два бортовых ЗиЛ-157 с брезентовым верхом с остальным батарейным имуществом) выстроилась, съехав с проселка возле котельной. Топопривязчики капитан отправил размечать запасные позиции. Начальник стартового отделения первой пусковой, замещавший капитана в конце марша, построил личный состав возле колонны.

Капитан подошел к колонне и будничным голосом произнес:

– Батарея занять стартовые позиции.

Бойцы, еще спящие после ночного марша, недружно проорали в ответ «есть!», и батарея пришла в движение. Пусковые установки, взревев дизелями, начали неспешно заползать на позиции, уже размеченные маркерами. Обмывщики, поерзав в осенней грязи, встали неподалеку от пусковых, седьмые номера уже выскочили из кабин и начали шустро разматывать шланги. Капитан отдал подошедшим старшим операторам и начальникам расчетов наведения карточки с данными целей. И вздохнул озабоченно, увидев растерянное лицо старшего оператора первой пусковой. Отойдя к корме пусковой, он спросил у начальника стартового отделения:

– Как у тебя старший оператор, нормально?

– Александр? Да ничего, в аппаратуре не путается, только сегодня мы на марше с немцами переговорили, когда возле Висмара на развилке стояли. Американцы нам ультиматум предъявили. Из-за того, что наши на Кубе ракеты разместили, и вроде как большие, не то что у нас. Пол-Америки накрывают. Так что это может быть все очень серьезно.

– Куда уж серьезней, – хмыкнул капитан, показав на термочехол 2Ш2, закрывающий головную часть, – если нам новые РА-17 в техбатарею пристыковали. Пригляди за ним, чтоб от волнения не накосячил.

И он пошел ко второй пусковой. Та уже почти заехала на позиции, но почти сразу сдала назад. Второй запасник, НСО-два, командовал:

– Первый, четвертый номера! Быстро взяли лопаты и в темпе срыли этот бугорок!

Увидев комбата, отрапортовал:

– Товарищ капитан, расчет пусковой ровняет площадку для обеспечения горизонтального уровня! А, вот уже сровняли! Давай, заезжай! – крикнул он мехводу.

– Лейтенант, нормально, продолжай командовать, – сказал капитан. Потом подошел к НРНР и тихо произнес: – Присмотри за ним, подскажи, если что. Я в машине управления.

Но Борис, начальник стартового отделения второй пусковой установки, нормально себя совершенно не чувствовал. Ему было страшно. Страшно до одури. Меньше трех месяцев назад жизнь казалась спокойной и безоблачной. Он с отличием окончил институт, был одним из первых на распределении, выбрал хорошее место работы – в конструкторском бюро завода № 455, всего в семи километрах от Москвы, в Калининграде. И вдруг он оказался на западной границе ГДР, вдобавок рядом с пусковой ракетной установкой. И вдобавок на этой установке стоит ракета с ядерной боевой частью в триста килотонн! И всем этим он должен командовать! Все многочисленные тренировки до этого стали казаться пустячными по сравнению с тем, что ему предстояло сделать.

Сделав глубокий вдох-выдох, он сказал себе: «Слушай, если ты будешь трястись и дальше, ты ничего не изменишь. Только опозоришься на глазах людей. За которых ты отвечаешь. Давай, начинай командовать. В конце концов, можно спросить совета у старшины, если ты от волнения что-то забудешь».

– Расчет, цель – авиабаза бундесвера «Витмундхаффен», готовность номер один, к бою!

– Расставить приборы наведения!

Расчет нестройно крикнул обычное «есть, к бою!» и разбежался по местам. Старшина Негруца, как начальник расчета наведения ракеты, начал подавать из пусковой здоровенные ящики с комплектом приборов наведения второму и третьему номерам.

– Пятый номер, крен!

– Крен в норме.

– Первый, настроить СПО⁴ на пуск!

– Расчет наведения, расставить приборы!

– Приготовить ракету к подъему!

Первый номер доложил:

– СПО на пуск настроено.

С удивлением обнаружив, что четкие ответы расчета его успокаивают, он на автомате продолжил:

– Состыковать стол!

Первый и четвертый номера расчета мухой взлетели на корму пусковой установки, встав по бокам от стабилизаторов ракеты.

– Расстопорить стол!

– Развернуть стол!

Номера начали крутить здоровенные стальные стяжки, приводя стол не менее здоровенными винтовыми шпильками в нужное положение.

– Подвести стол!

---

⁴ СПО – система предстартового обслуживания, установлена на пусковой установке 2П19.

– Застопорить стол! Ввернуть ветровые болты и ослабить на полоборота! Доложить о готовности к подъему!

Последовал нестройный хор расчета:

– К подъему готов.

Пятый и шестой номера отдали ему четыре красные заглушки, в походном положении закрывающие приемники баровысотомера ракеты.

«Так, – подумал Борис, – теперь проверка. Стол... вижу, состыкован, болты на месте. Черт, а родители мои ни хрена не знают! Спокойно, не расслабляемся... СПО... давление в манометрах десять и двадцать, все нормально... Крен – норма, теперь залезть на ПУ... так, стрела расконтрена, стяжка уложена и закреплена. Термочехол... как неохота к этой млятской голове близко подходить... ага, из походного расшнурован, трос с чекой к нему есть, закреплён. Заглушки, вот они все четыре, у меня в руке. А с другой стороны, они ж на Камчатке, в Мильково. Что им может угрожать? Там из целей – только учебка мотострелкового полка в паре километров от поселка! Так, слазим с ПУ, теперь в кабину... СО, что с готовностью? Готов! Теперь осмотр ПУ с правой стороны, это уж для профформы... Или угрожает? Да ну на хрен, станут американцы ядерный боеприпас тратить на какую-то маленькую учебку... Максимум пару фугасок от штурмовика с какого-нибудь Констеллейшна... Написать бы им, да какое там письмо... Все, осмотр заканчиваем. И мысли все посторонние тоже...»

– Поднять ракету!

Первый номер нажал тумблер на пульте, и шеститонная махина медленно поползла вверх. Борис с удивлением увидел, что от соседней установки его расчет не отстал. Резкий стук ударил всем по нервам.

– Разъем ШЗ9 сработал, лючок закрылся! – весело крикнул пятый номер.

«Уф, – подумал Борис, – это всего-то вышел из контакта разъем системы управления, а чего пятый такой радостный? Хотя понятно с чего, мехводам теперь делать нечего – до самого пуска. До ПУСКА! Неужели дойдет до ЭТОГО? А Оксана, она же тоже ничего не знает? И работает на оборонном заводе в самом Киеве. Основная цель для “Атласа” или “Полариса”. Конечно, на заводе есть убежище, да только поможет ли оно? Все, успокоился, и так НРНР уже глазом косится, неужели заметно, как я мандражу? Кстати, как у него дела?» Но сразу подойти к нему Борис не смог. Дождавшись, когда ракета поднимется на семьдесят градусов, он протер контрольные площадки на ракете и лично установил на них магнитные уровни из комплекта 8Ш18, после чего контролировал по уровню подход ракеты к вертикали. И только после этого он подошел к расчету наведения, уже установившему вешки и теодолит.

– Как дела? – тихо спросил он у НРНР.

НРНР, старшина Георгий Негруца, тридцатипятилетний молдаванин, старожил сто пятьдесят девятой бригады, так же тихо ответил:

– Нормально, приборы стоят, все выверено. Угол на теодолите проверишь? Ты хорошо командуешь, в прошлом году при Хрущеве пуски делали, еще не так тряслись. Только...

– Только тогда у вас ракета не с ядерной бэче была. И вы были в КапЯре, а не возле ФРГ?

– Да. Но ты не думай, лейтенант, что тебе одному страшно. Всем страшно, только дураки не боятся. Но дураков в ракетные войска не берут.

– Ракета поднята!

Доклад первого номера вернул их в реальность из тихого разговора.

«Так, – подумал Борис, – всем страшно, все боятся. Не думай, что ты такой особенный».

– Ослабить захваты! – скомандовал он. Настала самая ответственная часть подъема. Если вдруг окажется, что ракета стоит с наклоном, то, когда первый номер начнет опускать стрелу, она просто вырвет ветровые болты и упадет на расчет. На него. С тремя тоннами азотной кислоты, с почти тонной горючего, которое похлеще керосина. И с ядерной боевой частью в триста килотонн. Борис невольно поежился. «Какого хрена! – вдруг обозлился он на себя. – Я же сам

проверял стол и смотрел на кренометр! И сам устанавливал магнитные уровни, вот же они, передо мной! И вроде ракета не прилегла ни к захватам, ни к стреле».

– Развести захваты! Отвести стрелу!

«Ну точно, что я трясусь все время! Стоит себе спокойненько. Вот, мля, и стояла бы себе так».

– Опустить стрелу!

Первый номер шелкнул тумблером, стрела пошла вниз.

– Ракету в вертикаль!

Первый и четвертый номера при помощи начальника расчета наведения стали регулировать три домкрата опор стола под стабилизаторами ракеты.

– Есть вертикаль!

– Ввернуть ветровые болты до отказа и ослабить на полоборота. Законтрить тарели!

Борис подошел к стабилизаторам ракеты, чтобы с помощью ключа лично проконтролировать надежность законтривания тарелей. Потом метнулся в кабину к старшему оператору. Так, ключ «генеральные испытания – боевое положение» стоит в положении ГИ.

– Провести ГИ!

– Есть провести генеральные испытания! – ответил заскучавший было старший оператор.

– ГИ норма! Гироскопы зааретированы! – через недолгое время прозвучал доклад старшего оператора.

– Навести ракету!

НРНР уже закрепил к ракете угломер. Не дожидаясь конца команды, первый и четвертый номера, повинаясь жестам НРНР, начали крутить стол с ракетой вокруг вертикальной оси все теми же стальными стяжками. Негруца на угломере стал ловить марку теодолита.

Теперь в основном пошла работа старшего оператора.

– Схему в боевое!

– Есть схема в боевом!

– Подготовить к выстрелу систему АПР!⁵

– АПР готова!

– Ввести высоту!

– Высота введена! – отрапортовал СО.

– Какая? – тихо спросил Борис.

– Низкий воздушный. Кому-то мало не покажется... – так же тихо ответил оператор.

– Ракета наведена! – Это уже Негруца. «Быстро он, – подумал Борис. – Так мы и норматив на “отлично” перекроем». Он уже успокоился. «Делай что должно и пусть будет что будет – так, кажется, сказал кто-то древний. М-да, древний. А что если сегодня история Земли закончится? На фиг, не заводись. Ты действительно должен делать то, что должен». А должен он сейчас проконтролировать, что оператор правильно установил количество импульсов на счетчике импульсов СИ1 (по красной оцифровке) пульта 2В12.

– Ввести дальность! – скомандовал он оператору и пошел к угломеру проверять углы наведения.

«Угол... все так, как на карточке».

– Дальность введена! – отрапортовал старший оператор.

Борис метнулся обратно к нему в кабину. «Да, СИ1 показывает 0, а на циферблатах СИ2 – треть от заданного числа (по черной оцифровке) на карточке. Число большое, это под триста километров получается. И угол наведения у Негруцы двести пятьдесят с гаком. Ни хрена себе,

---

⁵ АПР – система аварийного подрыва ракеты. Находится на ракете 8К14 и разрушает её боевую часть, не вызывая детонации ядерного заряда, при значительном отклонении ракеты от заданного курса или сбоя в работе двигателя.

мы и в самом деле за Гамбург стрелять собрались!» Он хотел подбежать к машине управления, но капитан уже сам вышел к нему.

– Товарищ капитан! Пусковая установка в готовности номер один! – внезапно пересохшим голосом крикнул он, протягивая ему карточку полетного задания.

– Отлично, лейтенант! Меньше тринадцати минут, ты перекрыл норматив. Батарее оставаться в готовности номер один, ждать команды! Расчетам завтракать сухпаем на своих местах! После завтрака отрыть щели для укрытия личного состава!

Через полчаса к капитану подошел, прихрамывая, пожилой немец.

– Герр гауптман, битте, – он протянул капитану небольшой листок.

– Что это? – спросил Живодеров.

– Dies ist Rechnung fur Kohle. Это есть счет... за Kohle. Ваш унтерофицир требоваль дым... des Rohres, – он показал на трубу.

– А, вы просите оплатить уголь? Для дыма? Я могу написать расписку, мой командир поставит печать, позже, днем. Ферштейн?

– Я, я, – закивал немец. – Vereinbaren⁶. – Потом замялся, но все же спросил, не глядя капитану в глаза: – Герр гауптман, sagen Sie mir⁷, это война?

– Учения! – как можно более спокойным тоном ответил Живодёров.

– Irgendwie Ich glaube, Sie betrogen mich...⁸ – пробормотал немец.

– Как это случилось? Wie ist es? – неожиданно для себя спросил капитан, показав рукой на хроющую ногу немца.

– It? Im Jahr 1944, eine Bombe von einem amerikanischen Flugzeug in Lubeck⁹, – хмуро пояснил немец и захромал в сторону котельной.

Майор Осташенко испытывал странное ощущение. Ему казалось, что он раздвоился. Одна часть его сознания по-прежнему командовала дивизионом, указывала места расположения технической батареи и командного пункта, проверяла маскировку, отвечала на вопросы командира бригады и решала сотни других важных и неважных дел, вроде подписи и печати на забавной расписке, которую ему предоставил комбат-два Живодеров. Она, эта часть, еще удивилась простоте решения по маскировке, которое придумал капитан. Ведь бюллетень «Метео-44» обещал устойчивый слабый ветер один метр в секунду в южном направлении как минимум в течение еще сорока восьми часов. А это значит, что пусковые установки второй стартовой батареи капитана Живодерова будут хорошо прикрыты с воздуха. Ведь на пусковую установку с поднятой ракетой маскировочную сеть не натянешь, как это сейчас делал весь дивизион с другой техникой. Остальные пусковые позиции двух других батарей пришлось укрывать более привычным способом, располагая их на опушках и просеках лесного массива.

А вот другая часть его сознания испытывала странное чувство, почти дежавю. Майора Осташенко не покидало ощущение, что все это с ним уже когда-то было. И что вся эта суета и подготовка является только прелюдией, вступлением к чему-то гораздо более важному. И гораздо более страшному. И тут он наконец вспомнил, когда. Эта рутинная, почти повседневная возня, вообще-то обычная для всей его военной службы в армии, именно сегодня до боли напоминала тот памятный день, случившийся с ним вот уже больше девятнадцати лет назад. 26 сентября 1943 года. Точно, совершенно похожие ощущения. Такой же заполошный, длинный день, который, казалось, никогда не кончится. Он был тогда младшим сержантом, простым наводчиком орудия тридцатой отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады седьмой гвардейской армии Степного фронта. Они тогда весь день, без отдыха,

---

⁶ Согласен (нем.).

⁷ Скажите мне (нем.).

⁸ Почему-то я думаю, что вы меня обманываете (нем.).

⁹ Это? В сорок четвёртом, бомба с американского самолёта, в Любеке (нем.).

сколачивали плот, потом, к вечеру, пользуясь ненастной погодой и рано легшим туманом, спустили его в широченный Днепр, с матюгами затаскивали на него свое орудие, потом вязали к плоту ящики с боеприпасами. А потом был короткий сон и следующий день, который он не забудет никогда. Они форсировали Днепр в предрассветном сумраке в первой волне со стрелковым батальоном. Ему неоднократно повезло в это день, 27 сентября 1943 года. Он не пошел ко дну вместе с плотом, как другие расчеты его батареи, потопленные разрывами немецких мин и снарядов. Его не срезало пулеметными очередями из немецких дзотов, как многих других его товарищей, когда они под огнем возились по пояс в воде, стаскивая такую тяжелую в тот момент сорокапятку. Он не поймал в грудь минометный осколок, волоча к берегу снаряженные ящики, как второй номер его расчета. Напротив, они успели вытащить и развернуть орудие, открыть огонь и прямой наводкой уничтожить семь огневых точек врага, что позволило батальону, вернее тому, что от него осталось, выбить немцев из села со смешным названием Бородаевка. И потом он остался жив, когда его жизнь превратилась в один сплошной кошмар отражения немецких атак, с редкими передышками на сон. Который часто приходилось прерывать на разгрузку редких порций снарядов, ночью на лодках доставляемых через Днепр. Вплоть до самой кульминации 2 октября 1943 года. Тогда немцы решили покончить с надоевшей занозой, крохотным плацдармом, бросив в атаку на их измученный батальон, давно поредевший до роты, свежий батальон и пять танков. В тот день он фактически спас всех, на редкость хладнокровно подпустив танки на двести метров и точными выстрелами подбив три из них. Остальные танки отступили, пехота немцев залегла под огнем стрелков и его осколочных снарядов, а потом и вовсе откатилась назад. Потом наконец-то переправились свежие части, и немцев снова погнали на запад. А младший сержант Остащенко 26 октября 1943 получил звание Героя Советского Союза.

И теперь, 25 октября 1962 года, он, уже майор Остащенко, испытывает то же предчувствие, что и тогда, перед переправой.

Но тогда у него была только его сорокапятка, со снарядами меньше полутора килограмм. Сейчас он командир ракетного дивизиона, это шесть ракет, весом почти в семь тонн каждая, в одном залпе. И цели для первого залпа ему назначили правильно, он и сам бы эти выбрал на месте командования. Шесть передовых аэродромов Второго объединенного авиационного командования НАТО: Витмундхаффен, Ольденбург, Лек, Йевер, Шлезвиг, Нордхольц. Один из преподавателей, читавших лекции ему в академии, говорил, что «лучшее ПВО – это наши танки на аэродромах противника». Но ядерная ракета, взорвавшаяся на аэродроме в первые минуты боевых действий, ничуть не хуже танков и гораздо быстрее. Вдобавок для первого залпа ему дали шесть новейших боевых частей РА-17, это пятнадцать Хиросим каждая. Нужно только грамотно распорядиться этой огромной мощью. Первый залп его дивизион выполнит, а вот дальше? Майора немного беспокоило то, что позиционный район его дивизиона находился слишком близко к границе ГДР. А значит, и к линии фронта, если предчувствие его не обманывает. Правда, эта граница фактически проходит по судоходной реке Траве, переходящей в залив Травемюнде, а между его позициями и рекой находится два полка советской мотострелковой дивизии, не считая пограничных частей ННА. «За границей» же почти сразу начинались предместья Любека. Так что внезапного продвижения войск НАТО можно было не опасаться, а из дальнобойной артиллерии район доставали на пределе только стопятидесятипятимиллиметровые орудия НАТО, и то если их выставлять на самый правый берег залива Травемюнде. На который, кстати, в первый день конфликта по плану должен был высаживаться совместный тактический десант группировки союзных флотов Варшавского договора «Росток». Оставались только ракеты противника. «Онест Джон», «Капрал», «Редстоун» – любая часть, оснащенная этими системами, гарантированно уничтожала стартовые позиции батарей его дивизиона. Тут только оставалось надеяться на разведку, свою маскировку и выучку личного состава. Но в любом случае больше двух пусков его батареям сделать не дадут, потом надо будет перебази-

роваться из этого лесного массива. Если будем наступать, то в лесной массив справа от дороги № 105 около Зельмсдорфа. Ну, а если что-то пойдет не так, как планирует наше командование, то в район за Валленштайнграбенем. А ведь на марше в любом случае дивизион должен быть готов к старту ракет! Но в технической батарее только четыре запасных ракеты на прицепных тележках 2ТЗ, шесть заправок горючего и четыре заправки окислителя, в трех и четырех машинах соответственно. А все потому, что дивизион так и не получил полный комплект техники. Ведь по штату в дивизионе должно быть два комплекта – на первый и второй удары. Так что надо заправить ракеты в техбатарее, пристыковать к ним боевые части, перегрузить их на ложементы-контейнеры, а пустые тележки, кран и заправщики и машины-хранилища сразу отправить в ПРТБ¹⁰ и окружной склад ГСМ.

Майор Остащенко повернулся к радисту, сидевшему за Р-140:

– Дай мне комбрига, срочно!

Комбриг Устинов сразу понял смысл предложения майора. И даже выдал следующие команды двум остальным дивизионам. В самом деле, ситуация нестандартная, и надо ей воспользоваться. Это в ходе боевых действий дивизион имеет фактически десять ракет, и этого ему достаточно – больше он с собой не увезет, а с одной позиции даст ли противник отстреляться по два раза – большой вопрос. Но сейчас ситуация совсем другая. Первые пуски его дивизионы выполняют со стопроцентной вероятностью. Имеют большие шансы отстреляться по второму разу. Потом марш, сменить дислокацию надо будет обязательно. Но в этом случае бригада будет безоружна в момент марша. А если командованию потребуются нанести ракетно-ядерный удар по противнику? Перебазировать дивизионы поочередно? Но тогда есть очень большой риск потерять оставшийся на старой позиции. Нет, Остащенко прав, надо связаться с ПРТБ и окружным складом ГСМ, запросить еще по четыре ракеты, горючее, окислитель и дополнительные боевые части в машины-хранилища 9Ф21 технических батарей дивизионов. Правда, таких мощных ядерных боевых частей, как РА-17, в ПРТБ уже нет, но более старых атомных 269А, с мощностью десять килотонн, еще достаточно.

Майор Остащенко тем временем отдавал последние распоряжения своему заму по вооружению, и вечером колонна машин ушла на восток.

25 октября 1962 года, московское время – 17:30.

Киев, столица УССР. Цех покрытий завода номер 784

Киевского совнархоза

Оксана с удовольствием посмотрела на свою работу. Смена еще не кончилась, а последние двадцать корпусов уже вот, висят на крючках тележки, аккуратно поблескивая свежей зеленой краской. Сейчас они уйдут в сушильную камеру, а завтра в сборочный цех, где в них уже другие люди будут вставлять какие-то хитрые механизмы и стекляшки непонятого назначения. Но ее участок план за этот месяц выполнил, а это значит, что они получают премию в конце квартала. Оксана не интересовалась, что это будут за приборы, она знала только, что другие цеха к этому корпусу делают еще и деревянную треногу – штатив. Наверное, какой-то инструмент для геологов или строителей, непонятно только, зачем в сборочном цехе такая секретность. Вот Борис уже давно, уже с начала августа ничего не пишет, вот это проблема.

С Борисом они познакомились летом 1959 года. Она тогда приехала к двоюродной сестре в городок Прилуки, Черниговской области. А куда можно пойти в июле месяце при жаре в тридцать градусов двум молодым шестнадцатилетним девчонкам в маленьком провинциальном городишке в выходной день? Естественно, на пляж, на берег озера возле города, откуда вытекала небольшая речушка. А когда они пришли туда, то с удивлением обнаружили боль-

---

¹⁰ ПРТБ – передвижная ракетно-техническая база. Задачей ПРТБ было ракетно-техническое обеспечение ракетных бригад, в том числе ракетами второго и последующих пусков.

шую группу неместных и явно городских парней одного возраста. Там она и познакомилась с Борисом, оказалось, что эта компания – их студенческая группа. Борис сказал, что они приехали на практику в Прилуки. Правда, не уточнил, что это полигонно-ознакомительная практика на аэродроме, где базировался сто восьмьдесят четвертый тяжелый бомбардировочный полк дальней авиации, недавно перешедший с поршневых Ту-4 на реактивные и ракетноносные Ту-16. Да ее, честно говоря, это и не интересовало. Ее интересовал сам Борис, умный, прочитавший, казалось, все книги, про которые она только слышала, очень внимательный и ласковый. Днем он пропадал на аэродроме, где занимался своими непонятными самолетами, а вечерами она приходила и встречала его возле больших палаток, стоящих в военном городке, где жили студенты. И они бродили часами по ночным окраинам Прилук, целовались до одури и смотрели на темное южное украинское небо с мириадами звезд. И обнявшись, тихо сидели на лавочках возле украинских беленьких домиков, вдыхая ошеломительно чудесный запах цветущих левкоев и флоксов. Потом Борис уехал в свою Тулу, учиться дальше, взяв у нее адрес и пообещав, что будет писать. Сестра посмеялась над ней, мол, все, уехал твой москаль, забудь. Но он ей действительно стал писать, потом приезжать к ней в гости на каникулы. Этим весной он приехал в марте, уже в отпуск, после своей защиты дипломного проекта. Рассказывал, что распределился в очень хорошее место, подмосковный Калининград, в семи километрах от столицы, сорок минут езды на электричке. А потом просто и буднично сказал ей слова, которых она так долго ждала. Что ему осенью обещают в КБ дать комнату в коммуналке, и как только он ее получит, они поженятся. А работать она может и на его заводе в Калининграде, там тоже постоянно требуются люди, тем более в цех покраски. Но он бы не хотел, чтоб она там долго работала – для детей вредно. Ее с ним будущих детей. Поэтому они что-нибудь придумают получше с ее работой. Вот за эту основательность Борис ей сразу и безоговорочно понравился. И теперь от него нет писем уже три месяца. В последнем письме он написал только, что его внезапно забирают в армию офицером. Это значит, что счастливая семейная жизнь откладывается. На сколько? Она и не подозревала, что в этот момент ее Борис стоит возле точно такого же прибора, который на самом деле называется «спецтеодолит из комплекта приборов 8Ш18», и тоже думает о ней.

25 октября 1962 года, московское время – 16:00. На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159-й ракетной бригады

Ракеты стояли вертикально на пусковых столах уже почти целый день. Они начинали казаться уже будничной, привычной деталью пейзажа. Все щели были вырыты, работы по маскировке давно закончены. Днем вместо утреннего сухая уже приехал на машине старшина из хозроты бригады, привез в бачках нормальный горячий обед. К вечеру посыльный привез капитану Живодерову подписанный и проштемпелеванный комдивом счет немца. Капитан позвал к себе Бориса:

– Товарищ лейтенант, отдайте эту бумагу немцам в котельной. Заодно договоритесь о том, чтобы бойцы могли где-нибудь там умыться и мыть столовые принадлежности. Да и познакомиться поближе с хозяевами этого места не мешало бы, неизвестно, сколько мы здесь стоять будем.

Борис пошел в котельную. Хромой пожилой немец не особо хотел разговаривать, взял бумажку, буркнул «Данке» и скрылся у себя в кабинете. Зато с двумя немками, Мартой и Хильдой, Борис проболтал двадцать минут, сразу найдя общий язык. Договорились, что бойцы батареи будут умыться и брать воду в пристройке котельной, душевой-санузле. Марта и Хильда, веселые и разговорчивые женщины до тридцати лет, явно скучали без общения, да и с кем им было общаться, с этим хромым бирюком? Разговор в основном шел через Марту, высокую блондинку с грубоватыми чертами лица, хорошо знающую русский. Борис с удивлением узнал, что директор – это как раз Марта, Хильда работает тут бухгалтером, а хромой бирюк, оказав-

шийся Юргенсом, всего-то инженер котельной. Еще был кочегар, но, как сказала Марта, «он сейчас усердно кидает уголь, отрабатывая ваши деньги». Остальные рабочие придут на фабрику только в понедельник, 29 октября.

Хильда по-русски говорила как Борис по-немецки, то есть почти никак, но зато все время смеялась над попытками Бориса произнести что-то на ее родном языке. И была покрасивее Марты, поменьше ростом, темноволосая, с правильными чертами лица, чем-то напоминала Оксану. Вспомнив Оксану, Борис заторопился на позицию. Доложив капитану о договоренности с немцами, Борис подошел к своей установке, смотря задумчивым взглядом на теодолит. Сзади его тихо окликнул подошедший от своей пусковой Александр Савичев.

– Ну что, Борисыч, ты, говорят, с немками познакомился?

– Хочешь, и тебя познакомлю? Мне это не нужно.

– А ты что, все своей хохлушке письма пишешь? Чем-то она тебя серьезно зацепила...

– Писал и приезжал даже. И на свадьбу тебя пригласить собирался, ждал только, когда комнату получу, а то в общаге сам знаешь, какая семейная жизнь – на тридцать комнат один толчок и одна кухня с умывальником. А теперь не знаю, когда та свадьба будет, и будет ли вообще. А у тебя как в этом плане? – спросил Борис.

– А я и сам не знаю.

Александр действительно не знал. Тогда, когда он собирал по телефону своих сослуживцев в свою комнату на импровизированные проводы в армию, вместе со всеми неожиданно пришла и Леночка. Сидели долго, пели песни, танцевали, а когда все уже заполночь расходились из накуренной комнаты, Леночка неожиданно вызвалась помочь ему с посудой. А потом, когда посуда была вымыта и выставлена на кухне (утром соседи разберут, где чья), он, набравшись смелости от выпитого, обнял Леночку, стоявшую у зеркала. И удивленно услышал, когда Леночка, уткнувшись лицом ему в грудь, проговорила: «Ну наконец-то решился, чурбан бесчувственный». Утром она ушла, раньше, чем он проснулся, оставив на столе записку со своим адресом и одним словом «напиши». Он написал два письма, одно сразу, еще в Москве, после военкомата, когда они с Борисом коротали время до поезда, не спеша потягивая пиво в «Ладье», в Столешниковом переулке. И второе через неделю, когда, приехав в Кременчуг, вечером сидел в офицерской общаге, отходя после заполошного очередного дня сплошных тренировок с пультом управления. Но ответа не получил ни на одно.

25 октября 1962 года, местное время – 08:00.

Город Уичита, штат Канзас, США. Завод компании «Боинг», сборочный цех

– Везет тебе, Энн! Два таких парня из-за тебя морды друг другу бьют! – завистливо сказала Сьюзанн, подруга Энн, стоя на стремянке и ловко управляясь с паутиной жгутов и проводов. Энн, стоявшая на стремянке с другой стороны и старательно стыковавшая разъемы проводки блока дистанционного управления хвостовой шестиствольной двадцатимиллиметровой пушки М61 «Вулкан», недовольно проговорила:

– А что толку-то? Ни один замуж не зовет. Может, они вообще тогда подрались из-за каких-то своих, мужских причин.

Новенький бомбардировщик В-52Н с серийным номером 61-0040 выглядел уже почти готовым. Энн вздохнула – та история с дракой стала на заводе уже легендой и обрастала все новыми и новыми подробностями. Все началось год назад, когда, по случаю сдачи заводом последнего в серии В-52G, доблестные парни из Air Force пригласили работников завода (ну не всех конечно, только молоденьких девушек) в бар при заводском аэродроме. Все начиналось вполне пристойно, тосты, поздравления. На входе в бар повесили огромный плакат с силуэтом В-52 и цифрами 59-2602 – последним номером серии G. А потом все набрались, кавалеры кинулись приглашать девушек танцевать. К ней подлетели сразу два – Стивен, инженер эскад-

рильи, и Питер, второй пилот. Ну и, соответственно, дело в итоге кончилось грандиозной дракой между летным и техническим составом.

– Да уж, из-за своих причин. Думаешь, я не видела, как они на тебя смотрели? Тебе самой кто больше нравится, Пит или Стив?

– Ох, Сью, конечно же Пит! Стив совсем не красивый, да и староват уже.

– Дура ты, Энн. Не обижайся, но Стив лучшая кандидатура. Но это даже хорошо, тогда ты Стива отдаешь мне, когда он снова здесь появится. Или напишет тебе.

27 октября 1962 года, московское время – 04:00. Авиабазы 8-й воздушной армии Уайтмэн, штат Монтана, США

– Экипаж к взлету готов? – спросил по внутренней связи капитан Гриссом, командир 52G из тринадцатой эскадрильи 509-го бомбардировочного авиакрыла стратегических бомбардировщиков. Получив утвердительный ответ, он произнес в ларингофон:

– Вышка, я «Дарк-22», разрешите взлет.

– «Дарк-22», взлет разрешаю. Удачи, парни.

– О'кей, принято.

И «бафф»¹¹ Гриссома стал тяжело разбегаться по полосе.

Тяжело оторвавшись в самом конце почти трехкилометровой взлетки, В-52 стал медленно набирать высоту. Предстоял долгий полет на боевое патрулирование, почти рутинная, если бы можно было привыкнуть к четырем термоядерным бомбам МК-28У3, мощностью по одной мегатонне с гаком каждая. Предстояло, набрав высоту, пересечь Атлантику, дозаправиться от взлетевшего из базы в Милденхолл в Великобритании заправщика из сотого авиакрыла, дальше пройти над Северным морем до Дании. А дальше – самый нервный участок маршрута, над Данией, Западной Германией, Францией, Италией, Грецией вдоль границ Восточного блока, иногда всего в ста милях от кучи красных перехватчиков, которые наверняка будут в воздухе, пасти самолет Гриссома, а вдруг он полетит не туда? Капитан был знаком с командиром RB-47, сбитым советским МиГ-19 в июле 1960 года в Баренцевом море. Два члена экипажа спаслись, а его приятель замерз насмерть «в советских территориальных водах», как утверждали коммунисты. А дальше полет пойдет опять вдоль границ с Советами, над Турцией, Ираном, Пакистаном. Там разворот, опять рандеву с заправщиком из Пешавара или Иджирлика, и обратно, по тому же маршруту.

Над США и Атлантикой весь экипаж дремал, дежурил только капитан, и то включив автопилот. Потом, после заправки, он передаст управление второму пилоту. Тот пройдет маршрут над Европой, парень он амбициозный, пусть набирается опыта, не вечно же ему летать в правом кресле. Дозаправка прошла как по маслу, хотя экипаж вспотел, сон с них как рукой смахнуло, все помнили Голдсборо¹². «Бафф» повернул от Англии к Северному морю.

– Эй, Пит, когда мы вернемся, в отпуске, наверное, помчишься к своей красотке в Уичиту? – подначил второго пилота штурман. – Что такое тысяча триста миль для любящего сердца?

– А ты никак не можешь простить себе, что первый не подошел к такой девушке? – отпарировал Пит.

– Лично я, когда вернусь, сниму себе подружку где-нибудь поближе к гнезду нашей птички, – заявил стрелок, сидевший на «первом этаже» в их кабине спиной к ним.

---

¹¹ Бафф – BUFF, Big Ugly Fat/Flying Fucker/Fellow (англ.) – большой уродливый жирный/летающий член/ублюдок – прозвище самолета В-52 в USAF.

¹² 23 января 1961 года при сближении с заправщиком бомбардировщик В-52G, несущий две 24-мегатонные бомбы, потерпел аварию близ Голдсборо, штат Северная Каролина. На одной бомбе отказали пять предохранителей из шести, и только один предотвратил детонацию. Взрыв был бы в 1800 раз мощнее, чем у бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Капитан Гриссом улыбнулся: начался обычный для многочасового полета треп. «Бафф» уже набрал высоту, расходясь с заправщиком, капитан повернул машину и откинулся в кресле, сказав:

– Пит, бери управление. Парни, разбудите меня, когда обсудите всех знакомых девок. Ну или когда поступит приказ для нашей птички отложить свои четыре яйца.

Он даже не представлял себе, насколько быстро его шутка обернется страшной правдой.

Совершенно секретно Экз. № 1

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № ... Главнокомандующего Объединёнными Вооружёнными силами государств – участников Варшавского договора
1 августа 1962 года

Приказываю:

1. Сформировать Приморскую группу войск (ПГВ) в составе:

1 А Войска Польского (ВП), 2 А ВП, 2 Гв. ТА ГСВГ, 30 А ГСВГ, 20 Гв. А ГСВГ, 6 гв. мсд СВГ, 20 тд СВГ, 114 гв. рбр СВГ, 159 рбр КВО, 164 рбр БВО для чего:

– передать ПГВ в подчинение из состава ГСВГ: 30 А, 20 Гв. А;

– передать ПГВ в подчинение из состава Войска Польского: 1 А, 2 А, 3 А (после окончания формирования);

– передать ПГВ в подчинение из состава СВГ: 6 гв. мсд, 20 тд;

– сформировать из частей ВВС СВГ 37 ВА и передать ее в подчинение ПГВ;

– передать 37 ВА в подчинение 1, 2, 3, 4 иап из состава ВВС ННА ГДР;

– передать 37 ВА временно в подчинение отдельную 122 разск из состава ВВС МВО согласно Приказу Министра обороны СССР № ...;

– передать 37 ВА в подчинение 74 авиакорпус из состава 16 ВА, ВВС ПрибВО, согласно Приказу Министра обороны СССР № ...;

– придать временно ПГВ в подчинение 2 Гв. ТА из состава ГСВГ, 114 гв. рбр из состава СВГ;

– придать временно ПГВ в подчинение 159 рбр из состава КВО, согласно Приказу Министра обороны СССР № ...;

– придать временно ПГВ в подчинение 164 рбр из состава БВО, согласно Приказу Министра обороны СССР № ...

2. Командующим Приморской группой войск назначить генерала брони Е. Бордзиловского. Начальником штаба Приморской группой войск назначить генерала дивизии Т. Тучапски.

3. Поручить Командующему СВГ генерал-полковнику Хетагурову Г. И. руководство формированием 3 А Войска Польского на базах СВГ во взаимодействии с начальником тыла Войска Польского. По готовности 3 А ВП переходит в подчинение ПГВ.

4. В случае начала боевых действий переименовать Приморскую группу войск в Приморский фронт, установив разграничительные линии:

– справа – побережье Балтийского моря, сосед по взаимодействию группа Союзных флотов ОВД «Север» и «Росток»;

– слева – Познань, (иск.) Франкфурт, (иск.) Миттельвальде, Магдебург, Падерборн, Дюссельдорф, Льезж, Шарлеруа, Сен-Кантен, сосед по взаимодействию Западный фронт (до часа Ч – ГСВГ).

Главнокомандующий ОВС государств ОВД

Маршал Советского Союза А. А. Гречко

Совершенно секретно Экз. № 1
ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № ... командующего Приморской группой
войск

14 октября 1962 года

Приказываю:

1. 114 гв. рбр, 159 рбр, 164 рбр, 175 рбр до 08:00 московского времени 25 октября занять позиционные районы согласно утвержденному плану. До 09:00 московского времени перейти в готовность № 1, согласно распределенным целям.

2. Всем частям 1 А ВП, 2 А ВП, 2 Гв. ТА, 3 ОА, 20 Гв. А до 08:00 московского времени 24 октября перейти в повышенную готовность, выполнив рассредоточение согласно утвержденному плану.

3. Всем частям 3 А ВП, 6 гв. мсд, 20 тд до 10:00 московского времени 25 октября перейти в повышенную готовность, выполнив рассредоточение согласно утвержденному плану.

4. Всем частям 37 ВА с 22:00 московского времени 24 октября объявляется повышенная готовность. Всем истребительным полкам 37 ВА до 10:00 московского времени 25 октября перейти в готовность № 1, выполнив рассредоточение на дополнительные аэродромы, согласно утвержденному плану. Всем прочим авиационным частям 37 ВА до 10:00 московского времени 25 октября перейти в готовность № 2, выполнив рассредоточение на дополнительные аэродромы согласно утвержденному плану.

Командующий Приморской группы войск генерал брони Бордзиловский

Совершенно секретно Экз. № 1
ВЫПИСКА ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ДИРЕКТИВЫ № 26 ШТАБА
ПРИМОРСКОЙ ГРУППЫ ВОЙСК (с часа Ч – ПРИМОРСКИЙ ФРОНТ)

15 октября 1962 года

Главное Командование Объединенных Вооруженных Сил наносит в пользу Приморского фронта 55 ядерных ударов стратегическими средствами – общей мощностью в 27500 кТ по:

– узлам путей сообщений – Ненбург, Минден, Ферден, Мюнстер, Вессель, Эммерих, Арнем, Амстердам, Роттердам, Брюссель, Фленсбург, Вейле;

– портам – Экернвёрде, Свендборг, Фредериция, Хадерслев, Ольборг, Фредериксхаффен, Хусум, Везермюнде, Харлинген, Ден, Хельдер, Гравенхаге, Флиссинген, Остенде;

– аэродромам – Лаарбурх (5 км юж. Веце), Гютерсло, Брюгген, Нордхорн, Ольборг, Каруп (20 км юго-зап.), Одензее, Лер, Оснабрюк, Хопстен (25 км зап. Оснабрюк), Гревен, Эйндховен, Аспере (25 км юж. Утрехт), Удем, Вегберг, Нёрвених;

– командным пунктам и штабам: Удем, Маастрихт, Калькар, Порц-Ван (15 км юж. Кельн), Рейндален;

– батареям «Найк-Геркулес» и «Хок» – юж. Сторе Хеддинге (20 км юго-вост. Когё), 8 км сев. Когё, 15 км юж. Когё, 5 км вост. Хиллерод, 10 км юж. Копенгаген, 5 км вост. Киль;

– складам обычных боеприпасов – 5 км юж. Виссельхеведе и 30 км сев. – зап. Целле;

– складам оружия массового поражения – 5 км сев. – зап. Мюнстер, 10 км юж. Гох, 15 км сев. – зап. Мёнхенгладбах, 12 км сев. Хиллерод.

Одновременно Приморский фронт наносит 64 ядерных удара приданными средствами из состава 164, 159, 114 рбр и собственными средствами из состава 175 рбр 2 зв. ТА ГСВГ – общей мощностью в 14400 кТ по:

– аэродромам: Фленсбург (5 км юж. Шлезвиг), Витмундсхаффен (7 км зап. Витмунд), Ольденбург, Йевер, Нордхолъц, Лек, Ноймюнстер, Альхорн, Виборг, Аурих;

– портам: Киль, Вильгельмсхаффен, Куксхаффен, Оденсе, Эмден;

– узлам путей сообщений, связи и пунктам постоянной дислокации частей противника – Гамбург, Ганновер, Бремен, Билефельд, Копенгаген, Харбург, Брекендорф, Вансдбек, Роскилле, Кольдинг, Рендсбург, Штаде, Бремерферде, Ротенбург, Зольтау, Бассум, Брауншвейг, Хильдесхайм, Фиссельхёфде, Латцен, Вальсроде, Падеборн, Хамм, Иббенбюрен, Херфорд, Ахим, Эсбьерг, Нестед, Итцехо, Ольдеслоэ, Бракель, Альт-Дуфеништедт, Гох, Клоппенбург, Бракель, Геттинген, Кассель, Хемелинген;

– батареям «Найк-Геркулес» и «Хок»: Хайде, Вангерланд, Эккернфёрде, Дельменхорст, Вестертимке, Айдельштедт, Штольценау, Бломберг, Куксхаффен;

– позициям РЛС: 7 км вост. Гамбург, 5 км юж. Люнебург, Фасберг.

Справа в бассейне Балтийского моря ведут боевые действия группировки Союзных флотов «Север» и «Росток». Группировка «Росток» в пользу Приморского фронта высаживает десанты в Шарбойц – Хаффкрюг с целью перерезать шоссе Е47 и Травемюнде. Время высадки первого эшелона – Ч+6, второго эшелона – Ч+8.

Слева Западный фронт переходит к наступательным действиям в направлении Фульда, Трир.

На его правом фланге 4 ТА наносит удар в направлении Айзенах, Аахен, и к шестому-седьмому дню операции овладевает районом юж. Аахен, Герольштайн, Люксембург.

Разграничительная линия: (иск.) Франкфурт, (иск.) Миттельвальде, Магдебург, Падерборн, Дюссельдорф, Льеж, Шарлеруа, Сен-Кантен.

Приморский фронт (30 А, 20 Гв. А, 1, 2, 3 А Войска Польского и 2 Гв. ТА ГСВГ, подчиненная до момента выхода на западную границу ФРГ), 37 ВА с временно подчиненной частью войск ПВО страны ННА ГДР, – вводя с хода до Ч+2 в бой 30 А и 20 Гв. А – переходит к наступательным действиям во всей полосе фронта из исходного района: Шверин, Виттенберге, Магдебург, Щецин, нанося главный удар в направлении: Вольфсбург, Ганновер, Остенде, – и вспомогательный – Любек и вдоль Ютландского полуострова, связанный с десантными действиями в районе Датских проливов.

Ближайшая задача: разгромить во взаимодействии с войсками Западного фронта войска Северной группы армий, а также западногерманско-датские силы в Шлезвиг-Гольштейне и овладеть к седьмому-восьмому дню операции северной частью ФРГ и восточной частью Голландии и совместно с группировками «Север» и «Росток» при помощи десантных действий – островом Зеландия.

Дальнейшая задача: развивая действия на главном направлении удара, а также на Приморском и Ютландском направлениях, разгромить во взаимодействии с силами Западного фронта и морскими оперативными группировками, подходящие резервы противника и к десятому –

тринадцатому дню операции овладеть территориями Голландии, Бельгии и Дании, организовав противодесантную оборону морского побережья.

Для выполнения задач Приморский фронт, используя результаты ядерных ударов, нанесенных стратегическими средствами, и результаты собственных ударов оружием массового поражения, нанося удар силами 30 А, 1 А ВП и 2 Гв. ТА на Приморском и 20 Гв. А на Ютландском направлениях, уничтожает во взаимодействии с войсками Западного фронта и оперативными группировками на Балтийском море ядерные средства и группировки войск Северной группы армий – 1 ак (ФРГ), 1 А (Великобритания), 1 ак (Бельгия) и 1 ак (Голландия) войск НАТО, в Шлезвиг-Гольштейне – 6 мпд и ютландской пд, создавая условия для развития наступления на Приморском и Ютландском направлениях.

...

В последующее время, применяя ядерное оружие и вводя в сражение 2 А ВП, 3 А ВП, 6 гв. мсд, 20 тд – II эшелон фронта из района: Эмден, зап. Оснабрюк, юж. Боркен, – уничтожает вновь обнаруженные средства ядерного нападения противника и подходящие из глубины резервы, форсирует с хода реку Рейн и организует противодесантную оборону морского побережья.

ВВС фронта (37 ВА, с временно подчиненной частью 1 ВА Западного фронта и войск ПВО страны ННА ГДР):

- обеспечивают прикрытие войск фронта во всей полосе наступления;
- начиная с Ч+1, ведут непрерывную разведку и оценку результатов ядерных ударов на глубину наступления до линии Брюгге – Монс – Люксембург;
- обеспечивают поддержку с воздуха наступающим частям фронта;
- начиная с Ч+8 обеспечивают изоляцию района боевых действий на глубину до 300 км от линии фронта;
- по требованию командующих армиями применяют ядерное оружие.

Донесения представлять:

- по времени Ч+9;
- за последующие истекающие сутки до 17:00;
- немедленно после нанесения противником ядерных ударов;
- немедленно при обнаружении средств ядерного нападения противника;
- после контрударов оперативными и стратегическими резервами.

Время Ч наступает по получении команды «Экватор».

Командующий Приморским фронтом генерал брони Бордзиловский

Начальник штаба Приморского фронта генерал дивизии Тучапски.

Верно: начальник оперативного управления полковник Витт.

Секретно Экз. №...

ВЫПИСКА ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ДИРЕКТИВЫ №... штаба 2 ЦУВО НАТО

10 октября 1962 года

Всем частям и подразделениям, подчиненным 2 ЦУВО, с 20:00 времени по Гринвичу 24 октября объявляется повышенная готовность. Всем авиационным частям и подразделениям, подчиненным 2 ЦУВО, до 16:00 времени по Гринвичу 25 октября перейти в готовность № 2, выполнив

рассредоточение на дополнительные аэродромы согласно утвержденному плану.

71-й истребительно-бомбардировочной эскадре бундеслюфтваффе и 314-й истребительно-бомбардировочной эскадрилье Королевских ВВС Нидерландов выполнить рассредоточение на дополнительные аэродромы по готовности.

4-й авиадивизии бундеслюфтваффе быть готовой к приемке 30 единиц МК-28У1 на авиабазы Ольденбург и Витмундхаффен.

1-му авиакрылу ВВС Бельгии быть готовым к приемке 10 единиц МК-28У1 на авиабазу Бовешен.

2-му авиакрылу ВВС Бельгии быть готовым к приемке 10 единиц МК-28У1 на авиабазу Флорен.

316-й истребительно-бомбардировочной эскадрилье Королевских ВВС Нидерландов быть готовой к приемке 10 единиц МК-28У2 на авиабазу Эйндховен.

Время окончания приемки – X+3.

Время X наступает по получении команды от Верховного командования Союзными силами в Европе (SHAPE).

Секретно

Экз. №...

ВЫПИСКА ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ДИРЕКТИВЫ №... штаба Northern Army Group NATO (Северной группы войск НАТО)

15 октября 1962 года

Второй Центр управления воздушными операциями (2 ЦУВО) наносит в пользу Северной группы войск 98 ядерных ударов стратегическими средствами – общей мощностью в 46550 кТ – по:

– штабам, узлам связи и пунктам постоянной дислокации войск – Драхваузен, Ошац, Кёнигсбрюк, Ораниенбург, Потсдам, Нойбранденбург, Тройенбрицен, Франкфурт-на-Одере, Витшток, Шенвальде, Штансдорф, Фюрстенвальде, Бранденбург-на-Хафеле, Вердер, Вайсенфельс, Эберсвальде, Легница, Вроцлав, Бялогард, Олава, Сыпнево, Борне-Сулиново, Щецинск, Светошов, Страхув, Кожув, Венджин, Зелено-Гура, Явор, Познань, Лович, Торунь, Валбжих, Свидница, Гардно, Кошалин, Кишва, Устка, Хойна, Калиш, Лодзь, Краков, Тарнув, Люблин, Радом, Гвардейск, Гусев;

– портам – Росток, Штральзунд, Свиноуйстьце, Щецин, Колобжег, Гдыня, Гданьск, Балтийск, Калининград, Клайпеда;

– аэродромам – Борстель, Брандис, Вернойхен, Гросенхайн, Альтес Лагер, Кётен, Нойруппин, Нора, Лери, Рибниц-Дамгартен, Темплин, Тутов, Эльстер, Цербст, Финстержвальде, Шперенберг, Финов, Деммин, Легница, Бжег, Ключево, Черняховск, Шпротава, Варшава, Колобжег.

– позициям ЗРК – Ютеборг, Магдебург, Примервальде, Фогельзанг, Тишебен, Зелёна-Гура;

– мостам на реке Одер – дорога E28 (8 миль юж. Щецин), дорога E30 (3 мили ю.-в. Франкфурт-на-Одере);

– мостам на реке Висла – дорога E67 (Варшава), дорога A2 (Варшава), дорога A1 (Торунь).

Слева силы Объединенного командования сухопутными силами Шлезвиг-Гольштейна и Ютландии (ОКШГЮ) отражают наступление противника

и при поддержке группировки Союзных флотов ФРГ и Дании обеспечивают противодесантную оборону побережья Ютландии.

Справа Центральная группа войск НАТО (ЦЕТАГ) отражает наступление противника в направлении Фульда и переходит в наступление в направлении Магдебург, Потсдам, с целью соединения с группой войск Западного Берлина.

Разграничительная линия:

С ОКШГЮ – Любек – Эльмсхорн;

С ЦЕТАГ – Ганновер – Магдебург – Потсдам;

Северная группа войск (1-е британский, немецкий, голландский, бельгийский корпуса) отражает наступление 1, 3 А, 20 А и 2 ТА противника, действуя во всей полосе фронта из исходного района: Любек, Вольфсбург, Ганновер. Остановив удар противника, переходит в наступление, нанося главный удар в направлении: Магдебург, Потсдам, Берлин и вспомогательный – Шверин, Росток, Штральзунд, связанный с десантными действиями на побережье до Дранске, Зассниц при поддержке группировки союзных флотов ФРГ и Дании.

Ближайшая задача: разгромить во взаимодействии с войсками ЦЕТАГ, советские, польские и восточногерманские силы в северной части Восточной Германии и овладеть к десятому дню операции северной частью Восточной Германии и, выйдя на линию Щецин – Эберсвальде – Франкфурт-на-Одере, деблокировать группировку войск в Берлине.

Дальнейшая задача: развивая действия на главном направлении удара, а также в направлении Щецин, Гданьск, разгромить во взаимодействии с силами ЦЕТАГ и морскими оперативными группировками подходящие резервы противника и к десятому – тринадцатому дню операции овладеть территориями восточной Германии и Польши до реки Висла, организовав противодесантную оборону морского побережья.

Для выполнения задач СЕВАГ, используя результаты ядерных ударов, нанесенных 2 ЦУВО, нанося удар силами 1 ак (ФРГ), 1 А (Великобритания), 1 ак (Бельгия) и 1 ак (Голландия), уничтожает во взаимодействии с войсками ЦЕТАГ и ОКШГЮ ядерные средства и группировки войск 1 А, 2 А, 3 А, 2ТА, создавая условия для развития наступления в направлении на Росток, Нойбранденбург, Потсдам (совместно с ЦЕТАГ).

...

В последующее время, применяя ядерное оружие и вводя в сражение 3 ак (франц.) и 3 ак (амер.) с приданными силам из состава 40-й ракетной группы полевой артиллерии (амер.) – II эшелон СЕВАГ из района: Потсдам, Нойруппин, Нойбранденбург, – уничтожает вновь обнаруженные средства ядерного нападения противника и подходящие из глубины резервы (20 А), форсирует с хода реку Одер и организует противодесантную оборону морского побережья.

ВВС 2 ЦУВО:

– обеспечивают прикрытие войск СЕВАГ;

– начиная с X+1 ведут непрерывную разведку и оценку результатов ядерных ударов на глубину наступления до линии Клайпеда – Белосток – Жешув;

– обеспечивают поддержку с воздуха частям СЕВАГ;

- начиная с $X+8$ обеспечивают изоляцию района боевых действий на глубину до 500 км от линии фронта;
- по требованию командующих корпусами СЕВАГ применяют ядерное оружие.

Донесения представлять:

- по времени $X+10$;
- за последующие истекающие сутки до 18:00;
- немедленно после нанесения противником ядерных ударов;
- немедленно при обнаружении средств ядерного нападения противника;
- после контрударов оперативными и стратегическими резервами.

Время X наступает по получении команды от Верховного командования Союзными силами в Европе (SHAPE).

Командующий Северной группой армий генерал-лейтенант сэра Чарльз Джонс

Начальник штаба Северной группой армий генерал-майор сэра Ричард Гудвин

Верно: начальник оперативного управления полковник Могг

Глава 2

Бег наперегонки по лестнице, ведущей вниз

27—28 октября 1962 года. Планета Земля

06:30, местное время. Карибское море, советская подводная лодка Б-59

Уже несколько часов как подлодку обнаружили и гоняли эсминцы и противолодочные вертолеты.

– Шумы винтов трёх... четырёх эсминцев с правого борта, – доложил акустик Б-59. – Курсовой двадцать восемь. Нарастают – цели приближаются.

Подводную лодку сильно тряхнуло – прямо над ней разорвались выпущенные из многоствольных бомбомётов реактивные глубинные бомбы: настоящие, боевого калибра. Пугают по-серьёзному, заставляя всплыть? А если нет – бьют на поражение, только немного ошиблись в прицеливании? Что же там, наверху, творится? Может, там уже встают атомные грибы и весь мир корчится в ядерном огне? Что делать, когда не знаешь, что делать? Снова серия глубинных бомб. Погас свет: лопнули от сотрясения лампы, засыпая металл палубного настила мелкой стеклянной крошкой. Загорелось тусклое аварийное освещение, и в его призрачном свете восковые лица подводников стали похожими на лики оживших мертвецов. Командир Б-59 Савицкий еле удержался на ногах, сильно ударившись о тяжёлый ящик автомата торпедной стрельбы и до крови рассадив скулу. Капитан второго ранга вдруг ощутил, как внутри него закипает обжигающее бешенство. Количество шумов боевых кораблей возросло – они кружат вокруг лодки, удерживая её в тесном кольце. Офицеры в центральном посту Б-59 хранят напряжённое молчание, но Валентин кожей лица чувствует их взгляды. Сейчас всё зависит от него, от командира, от царя и бога этого маленького мирка, ограниченного сталью прочного корпуса. На скулах командира подводной лодки вздулись желваки.

– «Изделие-400» к пуску изготовить! Минёр, мать твою...

– Есть! – отозвался командир БЧ-3, минно-торпедной боевой части. «Изделие-400», АСБЗО – автономное специальное боевое зарядное отделение, мощностью двадцать килотонн для серийных 533-миллиметровых торпед, на лодке было одно. Его погрузили на лодку только перед этим походом.

– «Изделие-400» к пуску готово! – прозвучал звенящий от напряжения голос командира БЧ-3. Люди ждут твоей команды, командир, но как же тяжелы звёзды на твоих погонах...

...Весы качаются. На одной их чаше – слово человека, одетого в военно-морскую форму; на другой – голубой шар обитаемой планеты, окутанной лёгким флёром облаков, сквозь который просвечивают контуры океанов и тёмные пятна континентов. «Нельзя, нельзя, – стучит в мозг Савицкого. – Да, я имею право применить атомную торпеду “по обстановке”, но с огнём не шутят, командир...»

– В носовом торпедном!

– Есть!

– Пуск имитаторов из аппаратов номер пять и шесть! Товсь!

– Пли!

«Пусть эти умельцы наверху погоняются за ложными целями. Будем отрываться!»

...Акустик эскадренного миноносца «Дальгрэн» зафиксировал размножение целей. Однако он был достаточно опытен и засёк также характерное хрюканье, с которым воздух выбрасывает торпеду из торпедного аппарата. Стремительно побледнев, он тут же доложил командиру эсминца:

– Сэр, русская лодка произвела два торпедных выстрела!

Командир «Дальгрена» не размышлял. У него был приказ «стрелять на поражение», и у него давно уже чесались руки как следует приласкать эту упрямую лодку «красных» – кто будет разбираться и кто станет его обвинять? Победителей не судят... А теперь, когда коммунисты выстрелили первыми, у храброго офицера US Navy исчезли последние сомнения и колебания. Пусковая установка ракетоторпед «Асрок» развернулась и выплюнула длинный язык пламени, в котором мелькнуло длинное чёрное тело. Ракета описала короткую дугу и выбросила тормозной парашют. Самонаводящаяся торпеда отделилась, плюхнулась в воду и, хищно поводя рылом, начала описывать круги, вынюхивая цель.

– Шум винтов торпеды с правого борта! – голос гидроакустика «пятьдесят девятой» дрогнул. – Приближается!

«Вот и всё – конец всем вопросам, – отрешённо подумал капитан второго ранга. – Они пустили в ход противолодочный комплекс “Асрок”, и жить нам всем осталось считанные секунды... Ну что ж – это война...»

– «Изделие-400» – пли!

...Программа стремительно уходящей в глубину «четырёхсотой» ещё не отработала до конца, когда сталь прочного корпуса Б-59 разворотил взрыв самонаводящейся торпеды. Внутри лодки хлынула вода, вытесняя воздух из тесных отсеков и человеческих лёгких. Но это уже не имело никакого значения – спичка упала в кучу сухого хвороста...

07:00, местное время. Вашингтон, Белый дом, отрывок разговора на совещании. Присутствуют президент США Барри Моррис Голдуотер, министр обороны Роберт Макнамара, вице-президент Ричард Никсон, госсекретарь Дин Раск. Время начала конфликта

– Полчаса назад над Кубой советской ракетой сбит наш самолёт-разведчик U-2. Десять минут в Карибском море произведён подводный атомный взрыв – уничтожено несколько наших кораблей. Потери уточняются, – произнес смертельно бледный министр обороны.

– Всем нашим вооружённым силам, – Голдуотер посмотрел на Макнамару, – приступить к мероприятиям по исполнению SIOP. Я не хочу появления «атомных фотографий» на улицах американских городов, как это было в Хиросиме.

15:01, время по Гринвичу, 16:01, время местное, в небе над Данией, борт бомбардировщика В-52G из 13-й эскадрильи 509-го бомбардировочного авиакрыла. Через одну минуту после начала конфликта

– Сэр, подтвердите код. Да, принято, приступил к исполнению.

Капитан Гриссом, казалось, постарел на десяток лет. По вмиг посеревавшему лицу катилась струйка пота. Он повернулся к притихшему экипажу:

– Парни, у нас приказ. Тот самый. Штурман, вскрой конверт – что за цель?

Бомбардировщик на патрулировании должен был атаковать различные цели, в зависимости от точки, где он находился. Штурман, с которого слетела обычная его улыбка, нервно разорвал нужный конверт, бегло просмотрел его и бросил коротко:

– Минск, Борисов, Орша, Смоленск. Потом я бы советовал уходить через Прибалтику, над Ботническим заливом и через Швецию в Норвегию¹³.

– Ты сначала доживи до этого «потом». Я бы хотел сначала услышать от тебя курс до Минска.

---

¹³ Согласно SIOP-62, Single integrated operational plan – Единому комплексному оперативному плану ядерного нападения на СССР, целями для четырех бомб МК-28Y3 В-52G из 13-й эскадрильи 509-го бомбардировочного авиакрыла 8-й Воздушной армии USAF являлись: 1) город Минск, Белоруссия: автомобильный завод – производство грузовых автомобилей и тягачей для ракетной техники;

– Сейчас мы над Данией, потом идем над морем, вроде как нейтральные воды. На траверсе Клайпеды поворачиваем курсом на Минск.

16:05, время местное, авиабаза Витмундсхаффен, Западная Германия. Кабинет дежурного 71-й истребительно-бомбардировочной эскадры «Рихтгофен». Через 5 минут после начала конфликта

– Да, господин майор, так точно. Команда пришла из второго ЦУВО последовательно через все наши инстанции. И оперативное командование ВВС, и командование «Север» в Калькаре, да, и штаб нашей четвертой авиадивизии тоже. Все правильно.

Заместитель командира гешвадера семьдесят один майор люфтваффе Юстин Гюнтер неверяще смотрел на бланк телетайпа. Наконец он стряхнул оцепенение и начал командовать:

– Дежурное звено, взлет! Готовить первый штаффель – хорошо, что они уже заправленные стоят, – вешать бомбы и по два «Сайдвиндера». Второй штаффель тоже готовить, полная заправка, вешайте на него, что у нас там будет под рукой, как только техники выпихнут первый с площадок вооружений!

2) город Борисов, Белоруссия: завод № 140 – ремонт автобронетанковой техники, завод «Автоагрегат» – производство стартеров и генераторов для автобронетанковой техники, два консервных завода;

3) город Орша, Белоруссия: станкостроительный завод, инструментальный завод, авиаремонтный завод, завод металлических комплектующих (поставщик узлов для авиационных и автомобильных заводов).

4) город Смоленск, Россия: завод № 475 МАП СССР – производство авиационной и ракетной техники, автоагрегатный завод – производство агрегатов автозавода ЗИЛ, завод радиодеталей, приборостроительный завод, завод «Измеритель» (приборы и оборудование для авиационной техники).

Черт, как же не хватает Эриха, вечно он в самый нужный момент не там, где он нужен. Подполковник Эрих Хартманн, лучший ас второй мировой войны, час назад взлетел вместе с ведомым, как он сказал, «проветриться» в патрульный полет. А в эскадре вторая эскадрилья еще не успела до конца освоить новый самолет, только-только переучившись с F-86 – идет интенсивная работа. И поэтому целых три десятка новеньких «старфайтеров» стоят, не расфасованные по запасным площадкам, на бетонке основной базы.

– Дежурный! – крикнул Гюнтер. – Узнай у техников, которые выпускали командира, с чем он взлетел! Уже узнал? Только подвесные баки? И все?

А, все-таки у них М61 зарядили.

– Свяжись с ним немедленно, сообщи ему, что тут у нас Третья мировая началась. Пусть обратно не торопится, база все равно сейчас будет работать только на взлет. Поболтается где-нибудь, с одной пушкой много не навоюешь, даже если она шестиствольная. И пусть готовят мой самолет, я с первым штаффелем пойду. Всё, я одеваться.

18:07, московское время, Москва, Кремль, отрывок телефонного разговора между первым секретарем ЦК КПСС Никитой Сергеевичем Хрущевым и министром обороны Родионом Малиновским. Через 7 минут после начала конфликта

– Никита Сергеевич! – голос министра обороны был полон неподдельной тревоги. – В Карибском море произошёл атомный взрыв. Доложили с Кубы – они его видели. Подробности пока неизвестны, но судя по всему, или американцы потопили одну из наших подводных лодок атомной глубинной бомбой, или она ударила по ним атомной торпедой. И это ещё не всё.

– А что ещё? – Хрущёв стиснул телефонную трубку.

– По данным радиолокаторов системы дальнего обнаружения, размещённых в странах Варшавского договора, бомбардировщики Б-52, осуществляющие боевое патрулирование с

ядерным оружием на борту, направляются к границам наших стран-союзников в Восточной Европе. И к нашим границам, Никита Сергеевич. Это война, – Малиновский сделал паузу, – и в любую минуту может последовать удар американских ракет по нашим городам. И будет нам двадцать второе июня, только смертельное...

– Ваше мнение? – хрипло спросил Хрущёв, вытирая свободной рукой вспотевшую лысину.

– Атаковать всеми силами и средствами, – глухо прозвучало в трубке. – Промедление смерти подобно. Рассусоливать уже некогда – счёт пошёл на минуты. Никита Сергеевич? – спросил Малиновский. – Что же вы молчите?

– Приступайте к действиям по плану «Экватор», – медленно произнёс Хрущёв.

18:10, московское время. На северо-западе ГДР. Позиционный район 3-го дивизиона 159-й ракетной бригады. Через 10 минут после начала конфликта

– Товарищ капитан! – срывающимся голосом закричал радист-оператор ЗАС.

Капитан Живодеров посмотрел на него и сразу, не слушая доклад, понял. Вот оно. Началось. Он только хмуро спросил:

– Цели не изменились?

– Прежние, – ответил оператор, стараясь не выглядеть слишком испуганным.

– Ну, хоть что-то хорошее. Батарея, к бою!

– Сбросить термочехол! Убрать приборы наведения! Сброс термочехла! Заправить ракету пусковым горючим! – скомандовал Борис. Термочехол, все время надетый на носовой обтекатель ракеты для поддержания постоянной температуры боевой части, после того как четвертый номер выдернул по тросу чеку, заскользил гигантской серой птицей вниз и упал прямо к ногам Бориса. Увидев, что второй и третий номера вдвоем складывают треноги вешек и теодолита, он подошел к ним. – Где Негруца?!

– Сейчас будет, он отдыхал после дежурства.

Все это время, с утра двадцать пятого и до сегодняшнего вечера, расчеты дежурили посменно, отсыпаясь после смен кто в кузове грузовика, а СО и мехводы – прямо в пусковой.

– Я уже здесь, командир.

Негруца бежал от здания котельной, на ходу застегивая комбез. А из окна, предательски спалив его, выглядывали растрепанные Марта с Хильдой, причем Хильда даже пыталась изобразить что-то вроде воздушного поцелуя. Старшина обернулся, увидев, куда устремлен насмешливый взор лейтенанта, и прокричал что-то по-немецки, девушки вмиг скрылись.

– Опаньки, старшина, и когда это ты немецкий освоил? Методом скоростного глубокого погружения в среду? – насмешливо спросил лейтенант. Бойцы вокруг пусковой заржали, комментируя в подробностях это «погружение».

– Первый номер, не слышу доклада о заправке! – оборвал Борис.

– Сейчас... все, отсечный клапан... сработал. Есть заправка ПГ!

– Подать питание на ключ П1 и РМ!

– Есть! – прокричал в ответ СО.

– Воздух в АБ!

Старший оператор, нажал кнопку «ББ» на пульте 2В12, контролируя выход на режим ампульной батареи по загоранию транспаранта «Напряжение ББ» пульта 2В12.

– Есть АБ!

«Всё, – отрешенно подумал Борис. – Обратного пути нет». С удивлением он обнаружил, что подспудно все время ждал, что комбат даст отмену пуску. До сих пор всё можно было вернуть, гироскопы застопорить, поднять стрелу, опустить ракету, надеть заново термочехол, закрывающий эту чертову боевую часть с пугающей надписью на боку «РА-17», для тех, кто знает, конечно. Но сейчас всё, ракете теперь только в отделение регламента технической бата-

реи бригады, на замену ампульных батарей, уже раздавленных сжатым воздухом. Или туда, вверх и потом на запад.

– Заводи! – крикнул он пятому номеру.

– Выкрутить ветровые болты!

Расчет рванулся выкручивать четыре болта, вкрученных еще тогда, перед подъемом, чтобы ракета не упала от порыва ветра. Четвертый номер замешкался, у него все время срывался ключ с головки болта.

– Дай сюда, раззява! Быстрее, может быть, к нам уже кто-то летит! – подскочил к нему Негруца и через пятнадцать секунд прокричал: – Командир, всё!

– Отделение, газы! Всем в пусковую!

По инструкции, во время пуска весь расчет должен был сидеть в 2П19, с заведенным двигателем и в средствах защиты. Если ракета поведет себя не так, как положено, мехвод должен резко подать ПУ назад, потом рвануть вперед, «выдергивая» пусковую из-под падающей ракеты, а надетые противогазы позволяли расчету надеяться уцелеть в облаке ядовитого дыма, который окутывал позицию при падении и взрыве ракеты. «Надеюсь, хоть до этого не дойдет, и так у нас выходные проходят хуже некуда», – мрачно подумал Борис, запрыгнув в ПУ последним. Он схватил гарнитуру связи с машиной управления:

– Товарищ капитан, стартовое отделение номер...

– Пуск по готовности! – оборвал его Живодеров. Борис глубоко вздохнул и скомандовал старшему оператору «Выстрел». Тот нажал её: ту самую кнопку, которую он десятки раз нажимал на тренировках и которую надеялся никогда не нажать в бою. Секунды потекли медленно, каждая, казалось, длится вечность. Внезапно захрипело радио комбата:

– Стартовые отделения! После пуска столы не поднимать, закинуть кабели на столы и сразу уходить с позиции за моей машиной!

Его последние слова потонули в реве ракетного двигателя. Третья стартовая батарея третьего дивизиона 159-й ракетной бригады начала свою часть Третьей мировой войны.

16:12, время местное, авиабаза Витмундсхаффен, Западная Германия. Через 12 минут после начала конфликта

Майор Юстин Гюнтер зашнуровывал высотно-компенсирующий костюм, когда услышал грохот двигателей взлетающей дежурной тройки F-104G. «Ну, хоть этих поднять успели», – подумал он. Вокруг него спешно одевались летчики первого штаффеля, все угрюмо молчали, обычных шуточек и подначек сейчас слышно не было.

– Герр майор, первые два звена через три минуты будут готовы! И ваша машина тоже, – сообщил заглянувший в раздевалку посыльный.

– Всем взлетать звеньями по готовности! – приказал он пилотам, выбегая из комнаты, держа в руке шлемофон.

18:15, московское время, 16:15, время местное. На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159-й ракетной бригады. Через 15 минут после начала конфликта

Кнопка, нажатая Борисом, замкнула стартовые цепи ракеты. Проблуждав положенное время по ним, электрический импульс в конце концов попал на контакты электродетонатора пороховой шашки, которая, в свою очередь, сгорая, начала раскручивать турбонасосный агрегат. Когда давление в магистрали ТНА достигло требуемого значения, открылись клапаны подачи горючего и окислителя из своих баков в камеру сгорания. Окислитель прямо стал поступать в камеру, а горючее сначала пошло по трубопроводу в самый хвост ракеты, а потом под давлением стало проходить сквозь сотни маленьких каналов хитрой «рубашки», как бы надетой на камеру сгорания двигателя с соплом. Одновременно охлаждалась вся металличе-

ская конструкция, иначе камера сгорания попросту бы прогорела в первые секунды работы. Сначала это было тридцать килограмм пускового горючего, залитого расчетом пять минут назад, оно так и стояло в магистрали бака горючего и первым попало в камеру сгорания. Смешавшись с семидесятипроцентной азотной кислотой, которой и являлся окислитель, «самин», или, говоря по-научному, пятидесятипроцентный триэтиламин с изомерными ксилидинами, вспыхнул, фактически взорвался в камере сгорания. Дальше температура в камере при непрерывном горении выросла настолько, что стало воспламеняться уже основное горючее, по сути представляющее простую смесь скипидара с керосином. Все это заняло гораздо меньше времени, чем требуется для прочтения этого отрывка, всего двенадцать секунд. Тяга двигателя СЗ.42 стремительно росла, и когда она через несколько секунд превысила пять тысяч восьмисот шестьдесят килограмм – массу ракеты, ракета оторвалась от пускового стола. Сразу после отрыва ракеты цепи взведения боевой части привелись в рабочее состояние, как только оторвались кабели, соединявшие ракету с пусковой установкой. Ракета с ревом уходила вверх. После старта измерительная головка гироинтегратора начала разворачиваться вместе с шестерней скорости пропорционально текущей скорости полета ракеты, «интегрируя ускорение». При этом одновременно начал работать шаговый мотор временного механизма прибора 1СБ12, доворачивая установочную шестерню и тем самым реализуя ввод поправочного коэффициента компенсации для минимизации погрешности. Шестерня скорости «догоняла» установочную шестерню в момент достижения заданной скорости, обеспечивающей полет ракеты на установленную дальность. Сложное электромеханическое устройство, гордо называемое прибором 1СБ9, начало преобразовывать кривые поверхности кулачков, выточенные старым рабочим на одном из московских заводов пару лет назад, в команды на углы поворота газовых рулей, до этих пор стоявших неподвижно, на самом срезе сопла двигателя. Ракета начала медленно поворачивать на запад. Через 16 секунд ракета закончила программный разворот, летела с постоянным углом тангажа, ускоряясь до заданной скорости. Через восемьдесят секунд полета шестерня скорости наконец «догнала» установочную шестерню, ракета достигла заданной скорости. Хлопнул целый комплект пироклапанов. Одни «забили грибки» в магистрали подачи от баков, другие открыли отверстия для слива компонентов топлива из магистралей (от места перекрытия и до двигательной установки), а третьи обеспечили «выдув» компонентов ракетного топлива для исключения импульса последствия, который мог бы привести к «перелету ракеты». Прошла отсечка тяги, ракета в этот момент уже летела со скоростью полтора километра в секунду. Дальше ее полет проходил уже почти бесшумно, если не считать треска абляционного покрытия, сгорающего от аэродинамического нагрева и уносящегося прочь с конуса боевой части. Ракета продолжала забираться вверх по баллистической траектории. Через четыре секунды после выключения двигателя прошла команда на снятие первой ступени предохранения. Тем временем ракета забралась на апогей траектории своего полета, почти на семьдесят пять километров, скорость же, напротив, чуть упала – до тысячи ста тридцати метров в секунду. Ракета начала свое неотвратимое падение на цель. Локаторы первого полка РЛС-контроля четвертой авиадивизии люфтваффе засекли ее, еще когда она набирала высоту. Но они также засекли десятки других аналогичных объектов. Было выдано оповещение на дивизионы ЗРК «Найк-Геркулес» возле Киля и Гамбурга. Расчеты ЗРК, благо они уже находились в повышенной боевой готовности, взяли эти объекты на сопровождение, но и только. Автоматика даже не дала разрешения на пуск зенитных ракет по целям, летевшим выше границ зоны поражения зенитно-ракетных комплексов. Тем временем ракета уже падала по траектории все круче. Когда барометрическое устройство, подключаемое к устройствам приема забортного давления на переходнике головной части, показало высоту пять километров, была снята вторая ступень предохранения боевой части. Одновременно начал работать радиовысотомер, для определения более точной высоты подрыва. И когда он выдал значение высоты пятисот метров, блок подрыва боевой части дал электрический импульс, переводя весь персонал на авиабазе

бундесвера «Витмундхаффен» в категорию «безвозвратные потери». А всех живых существ в округе авиабазы – в категорию «побочный ущерб».

16:17, время местное, авиабаза Витмундсхаффен, Западная Германия. Через 17 минут после начала конфликта

Майор Юстин Гюнтер сидел в кабине своего «старфайтера», рулившего по дорожке к началу взлетной полосы. В наушниках раздался голос руководителя полетов:

– Я вышка, всем пилотам, взлет по готовности, тройками. Камрады из первого полка РЛС контроля сообщили, что к нам летит куча «хрущевских сосисок»¹⁴.

Майор выругался и вырулил на взлетную полосу, встав в центре. Справа и слева чуть позади от него встали самолеты первого звена, командир первого звена встал сзади, метрах в пятидесяти. Остальные «старфайтеры» первого штаффеля катились по рулежке, растянувшись от самых площадок подготовки вооружения, на которые техники уже начали закатывать самолеты второго штаффеля. «Слава богу, тут все машины гешвадера, нет только той шестерки, что в Аурихе», – подумал Гюнтер. Третий штаффель 71-й истребительно-бомбардировочной эскадры «Рихтгофен» был еще не доукомплектован. Шесть машин были на авиабазе Аурих, где пилоты переучивались на новые F-104G со стареньких «сейбров», времен Корейской войны. Там же были и почти все три десятка F-86, с которыми командование люфтваффе еще не решило, что делать. В эскадре упорно ходили слухи, что их просто отдадут, то ли туркам, то ли грекам. А девять F-104G гешвадер еще не получил от завода «Блом и Фосс» консорциума Arge Sud, занимавшегося производством «старфайтеров» в Европе.

Майор люфтваффе Юстин Гюнтер посмотрел на приборную доску. Так, все системы в норме, мельком бросил взгляд на часы, время было 16:19:15. Он отдал короткую команду, и первые F-104G, ревя двигателями на форсаже, пошли на взлет. Майор потянул ручку на себя, его «старфайтер» оторвался от полосы, готовясь взвиться в небо. И тут над всеми вспыхнуло новое солнце. И все закончилось – для майора, для пилотов, сидевших в самолетах на взлетной и рулежной полосах, для техников и прочего персонала авиабазы. Для всех как будто выключили свет. Навсегда.

18:19, московское время, 16:19, время местное. На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159-й ракетной бригады. Через 19 минут после начала конфликта

Как только рев ракетного двигателя начал стихать, Борис собрался вылезать из пусковой установки, но его остановил Георгий Негруца:

– Командир, не надо всем, я сейчас со своим расчетом выскочу, кабели забросить. А ты оставайся на связи с комбатом, мало ли чего.

И он заорал на своих второго и третьего номеров:

– Быстрее, носороги! Быстро, быстро, в темпе! Как забросим кабели, обратно в кабину не лезем, едем сразу наверху! А ты чего копаешься? В темпе шланг смотал, и в кабину, заводи и за нами!

«Это он уже водителю обмывщика», – сообразил Борис.

Кабели закинули за десяток секунд, дым от старта еще не рассеялся, как пятый номер толкнул фрикцион, и 2П19, урча дизелем, повернулась на месте и поехала за уже отъехавшим комбатом в кэшеэмке. БТР охраны уже месил грязь в полукилометре, подъезжая к опушке леса. Чуть отставая, за ними шли два бортовых ЗиЛ-157 и вторая пусковая со своим обмыв-

---

¹⁴ «Хрущевские сосиски» – прозвище советских ракет на Западе в начале шестидесятых. Появилось после интервью Н. С. Хрущева западным корреспондентам, где он обронил фразу: «Я недавно был на одном из наших заводов. Так вот, там ракеты делают так же быстро, как сосиски».

щиком. Седьмой номер его стартового отделения, наконец-то смотавший шланги, тоже отъезжал с позиции. Борис запоздало дал команду, перекрикивая шум двигателя:

– Отбой газовой тревоги!

– Слава те, яйца, вроде успеваем смотаться! – проговорил первый номер, снимая противогаз и вытирая вспотевший лоб.

– Не кажи гоп, вот когда в лесу по просеке проедем хотя бы пару километров, да маску натянем, тогда славить будешь. Хоть бога, хоть свои причиндалы, – ответил ему Борис. Остальные номера расчета натужно засмеялись, нервы у всех давно были натянуты, как струны.

18:28, московское время, 16:28, время местное. Воздушное пространство на северо-западе ГДР. Через 28 минут после начала конфликта

Подполковник Эрих Альфред Хартманн, позывной *Bubi*¹⁵, и не подумал «полетать где-нибудь», когда началась Третья мировая война. Ведь это война, а на его самолете есть шестиствольная пушка с полным боекомплектом. И он, набрав максимальную высоту, пошел вместе с ведомым в сторону границы с ГДР. Чем черт не шутит, может, сегодня ему удастся добавить еще пару сбитых к тем тремстам пятидесяти двум, которые у него на счету?

Подвесные топливные баки они сбрасывать не стали, летели на крейсерской скорости восемьсот пятьдесят километров в час. Эрих предупредил ведомого, чтобы тот опустил светофильтр пилотского шлема. Когда начали рваться первые советские ядерные ракеты, их пара была где-то над шоссе E22, в десяти километрах к юго-западу от Любека. Он посмотрел назад, потом по сторонам, не веря своим глазам – с высоты семнадцати километров сзади, на западе, на северо- и юго-западе от него вставали грибы ядерных взрывов. Десятки, машину начало трясти, когда огромный ядерный гриб вырос над Гамбургом, над которым они пролетели буквально несколько минут назад. А на востоке, над территорией ГДР, не видно было ни одного! Он не знал, что американские «торы» и «юпитеры» с баз в Италии и Британии уже тоже встают ядерными грибами, но над городами и объектами ПВО в СССР. «Редстоуны» же американской сороковой ракетной группы полевой артиллерии, рассредоточенные в кризисный период в лесах на франко-германской границе, сейчас спешно занимают стартовые позиции, равно как «капралы» и «онест джоны» артиллерийских дивизионов, приданных корпусам армии США. Генералы НАТО не питали иллюзий насчет способности своих сухопутных войск остановить танковый кулак Восточного блока в «честном бою». Поэтому PGM-11 «Редстоун» сороковой ракетной группы армии и дивизионы MGR-1, MGM-5, вместе с атомной артиллерией и тактическими «лакроссами» и «литл джонами», будут пущены в ход, когда определятся места главных ударов красных. И не факт, что они будут стрелять уже не по территории ФРГ. А ГДР получит свою порцию атомного пирога – с авиабаз на западе ФРГ, в Голландии и Бельгии по тревоге уже успели подняться ударные самолеты НАТО с ядерными бомбами и сейчас летят на восток. Но Эрик об этом не задумывался, его просто трясло от злости, сквозь треск помех он бросил ведомому:

– Идем курсом восемьдесят с плавным снижением, по команде сбрасывай баки.

Подлетая ближе к границе, он ясно увидел места позиций, с которых были произведены пуски, от каждой в стратосферу, загибаясь к нему, на запад, стоял шлейф сероватого дыма. Как же их много! Он выбрал шесть столбов, стоявших возле Дамсхагена.

– *Bubi*, мы сейчас пересечем границу с Восточной Германией, – раздался в наушниках голос ведомого.

– К черту, это уже не граница. Это линия фронта, и мы на войне! Ты видишь что-нибудь на земле? – ответил Хартманн.

---

¹⁵ Малыш (нем.).

– Какие-то корпуса, как раз от них уходят два шлейфа. Мы летим слишком быстро, – ответил ведомый.

– Сбрасывай скорость. Противника в воздухе пока не видно. И баки тоже сбрасывай, они все равно уже почти пустые, – скомандовал Эрих.

– Вижу следы от техники на земле, они ведут во двор, к корпусам! И в зданиях большие ворота! – азартно крикнул ведомый.

– Пойдем дальше, здесь мы ничего не сможем сделать, у нас только пушки.

Внезапно в наушниках прорезался новый голос:

– Bubi, это дежурное звено, иду на форсаже, буду у вас через пять минут. У нас по шесть двухсотпятидесяток. И нашей базе, похоже, конец, мы видели над ней взрыв, и она не отвечает.

– С ходу накрывайте три корпуса на опушке, ориентир – Роггенсторф, сразу за лесом на опушке, возле дороги! – приказал Эрих.

– Bubi, я их вижу! Две цистерны, две гусеничных установки и еще машины! Эти еще стоят на стартовых позициях! – взволнованно заорал ведомый.

Командир третьей батареи третьего дивизиона сто пятьдесят девятой ракетной бригады допустил роковую ошибку. Он приказал поднимать столы у пусковых установок. Согласно инструкции. Ведь при транспортировке опущенный стол очень пачкается в грязи, он может зацепиться за кочку и даже прийти в негодность. Он был первый день на войне и не подумал, что его батарея может вся прийти в негодность, если замешкается на позиции. На стартовом агрегате 2П19 стол подымается вручную, с помощью механической лебедки, вдобавок стол очень тяжелый. Ведь ему надо выдерживать и вес ракеты, и яростное пламя ее двигателя на старте. По два человека на каждой пусковой спешно уже заканчивали крутить ручки лебедок, когда над батареей пронеслась ревущая смерть. Длинной очередью из пушки М61 «Bubi» Хартманн прошелся по батарее, расстреляв оба расчета и наделав дырок в пусковых установках. Его ведомый, увидев в последний момент машину с антеннами, чуть повернул и прострочил ее, всадив в машину не меньше полсотни снарядов, она загорелась и взорвалась.

– Делаем второй заход, сейчас добьем пусковые и расстреляем эти цистерны! – приказал Эрих. За цистерны он принял обмывочно-нейтрализационные машины 8ТЗ11, водители которых сейчас разбегались в стороны от летящего ужаса с черным тюльпаном на борту фюзеляжа. Внезапно, посмотрев вниз на развороте, Эрих увидел, как две гусеничных машины пришли в движение. Мехводы третьей батареи пытались уйти в спасительный лес от обстрела.

– Не успеют, сейчас мы их прикончим! – произнес довольный Эрих.

Но у Гюнтера Фюльграббе на этот счет было другое мнение. Гауптман Гюнтер Фюльграббе, бывший во Вторую мировую войну ведомым у самого Германа Графа, в начавшейся Третьей мировой вел свою четверку МиГ-17Ф второго штаффеля четвертого авиаполка ВВС Национальной народной армии ГДР над самой землей к месту боя.

Десять минут назад их эскадрилью, сидевшую на полевом аэродроме возле Висмара, подняли по тревоге, приказав прикрывать район в треугольнике Дассов – Дамсхаген – Калькхорст. Комэск разбил эскадрилью на четверки, и они получили приказ начать барражировать над лесным массивом на малой высоте. Единственно верный способ не быть сразу сбитым, Гюнтер не испытывал иллюзий по поводу возможностей своих МиГ-17. Если они будут прикрывать свой район на высоте, то новейшие двухмаховые «старфайтеры», «тандерчифы» или «миражи» НАТО атакуют и собьют их ракетами безнаказанно, а потом сделают с землей под ними, что хотят. А на малой высоте их «миги» еще надо заметить, притом на фоне земли прицельное оборудование и головки ракет будет работать далеко не идеально. Поэтому у них есть шанс, правда наземные части гарантированно подвергнутся первому удару. Но потом его «миги» зайдут в хвост снизившимся для удара самолетам противника. Да и скорость противник сбросит обязательно, на двух махах не то что прицелиться, заметить что-то на земле слишком сложно. Появление пары F-104G он заметил поздно, когда они уже зашли на цели, какие-то машины на

опушке леса. Но когда «старфайтеры», выпустив по очереди из своих пушек, пошли на разворот для второго захода, Гюнтер бросил в эфир:

– Вторая пара, атакуйте ведущего.

И пошел в атаку на замыкающий «старфайтер». Так получилось, его четверка выполняла боевой разворот попарно, и его вторая пара оказалась впереди первой. «Его» F-104G уже влез в оптический прицел АСП-3НМ, правда, не идеально, где-то в одну четверть ракурса. Но все равно надо стрелять, пока он не заметил на своем хвосте висящих ниже его «мигов». Тогда он даст форсаж и легко уйдет.

Гюнтер чуть довернул свой самолет и дал длинную очередь из всех пушек, стараясь держать в прицеле все время скользящий вправо самолет противника с необходимым упреждением. И увидел, что попал: один, чуть ли не последний снаряд из очереди пушки НР-23, разорвался на самом кончике высоко расположенного руля высоты.

– Нас атакуют, у меня на хвосте пара Fresco!¹⁶

Эрих в этот момент начинал ловить в прицел гусеничную установку, когда услышал в наушниках крик ведомого. Эрих сразу оглянулся назад, и вовремя! Еще одна пара МиГ-17 заходила ему в хвост, но почему-то не стреляла. «Как же я их прозевал, понятно, что они заходили снизу, почти от земли, но все равно, я не должен был так расслабляться!» В то время как в голове вихрем проносились эти мысли, руки действовали автоматически. Ручку на себя, РУД¹⁷ вперед, до упора. Выбросив из сопла длинный шлейф пламени, «серебряный осколок»¹⁸ Эриха пулей взмыл вверх, под облака, оставив МиГи далеко позади. «Что с ведомым?» Мысленный вопрос Эриха опередил голос в наушниках:

– Bubi, меня подбили, руль высоты почти не действует!

Самолет его ведомого тоже шел на форсаже вслед за ним, но клевал носом вверх-вниз с возрастающей амплитудой. Эрих похолодел он вспомнил, как Гюнтер Ралль, много летавший на «старфайтерах» в Америке во время выборов Германией нового самолета для бундеслюфтваффе, говорил им, что F-104 – очень строгая и капризная машина. И что за малейшей потерей продольной устойчивости сразу следует срыв машины в штопор.

– Прыгай! – приказал ведомому Эрих.

– Не могу, чертову катапульту заклинило!

Пилотам люфтваффе еще предстояло узнать, что катапультное кресло «Локхид» С-2 крайне ненадежное и не обеспечивает спасение пилотов, особенно на малых высотах. В установке же кресла «Мартин-Бейкер» GQ-7 немцам было отказано, фирма «Локхид», не желая делиться прибылями с какими-то лайми, просто заявила протест, угрожая прекращением технической поддержки. И сейчас, скрипя зубами от невозможности что-то сделать, Эрих смотрел, как «старфайтер» его ведомого сваливается в штопор и втыкается в землю вместе с пилотом.

– Руди, какого черта ты не стрелял! – орал на ведущего своей второй пары гауптман Гюнтер Фюльграббе в этот момент.

– Но ведь на нем кресты, он тоже немец! – отвечал ему его подчиненный.

– Ты посмотри вперед, внизу там кто, марсиане, что ли?! – закричал ему Гюнтер.

Впереди еще тройка F-104G с тевтонскими крестами как раз в этот момент сбрасывала бомбы на какие-то строения, явно гражданские. На хвосте у них сидела еще четверка «мигов» из его эскадрильи, но она явно не успевала подойти на расстояние стрельбы из своих пушек. Гюнтер в отчаянии наблюдал, как три новеньких корпуса, явно фабричные, исчезают в сплошном облаке разрывов и на их месте появляется груда обломков.

---

¹⁶ Fresco – обозначение в НАТО советского истребителя МиГ-17.

¹⁷ Рукоятка управления двигателем.

¹⁸ Прозвище F-104 в начале шестидесятых.

– Ха, восемнадцать четвертьтонок – это сила! Красным установкам конец! – воодушевленно воскликнул ведущий тройки «старфайтеров». – Вот черт, впереди четверка Fresco!

– И еще четверка у вас на хвосте сидит! – обрадовал его Эрих. – Уходите обратно, вы пустые, «сайдвиндеры» поберегите для нежелательных попутчиков по пути домой.

Тройка F-104G, дав форсаж, с громадным ускорением на встречных курсах прошла над четверкой МиГ-17Ф Гюнтера Фюльграббе. Он только разочарованно посмотрел, как эти быстрые машины ввинчиваются в воздух, разворачиваясь на запад. На западной опушке леса вдогонку их безуспешно обстреляла батарея автоматических 57-мм зенитных орудий С-60. Дивизион С-60 был развернут для прикрытия советских частей на западной окраине лесного массива, но тревогу объявили с опозданием, и расчеты орудий только сейчас заняли свои позиции.

– Bubi, а ты? – спросил ведущий тройки.

– А я вслед за вами. Только сначала посчитаюсь за своего ведомого, – спокойно проговорил Эрих, вводя свой F-104G в пике со стороны заходящего солнца. Он ясно видел там, внизу, обе четверки МиГ-17, идущие друг навстречу другу. Сейчас они замешкаются, перестраиваясь, и у него будет шанс для атаки. Только один, всего на несколько секунд, но ему этого достаточно.

МиГ-17Ф ведущего второй пары, того, кто так не хотел стрелять по самолету с немецкими крестами, вспыхнул, получив снаряд из пушки М61 в топливный бак под правым крылом, перевернулся и врезался в землю недалеко от поселка Вельцин, на восточной опушке леса Леноренвальд. Пилот, тяжело раненный осколком разорвавшегося двадцатимиллиметрового снаряда, не сумел выпрыгнуть. Сделав это, Эрих Хартманн опять увел свой «старфайтер» на форсаже за облака. Оставшись на одной высоте с «мигами», он переводил бы воздушный бой в догфайт, «собачью свалку». А он терпеть не мог эту разновидность воздушного боя еще со времен Второй мировой войны.

Марта, Хильда, угрюмый хромой Юргенс и оставшийся безвестным кочегар не успели даже испугаться. Восемнадцать фугасных бомб весом по двести пятьдесят килограмм каждая – это очень много для трех маленьких зданий. Их просто измолотило на части кусками летящих и падающих строительных конструкций, когда, пробив крыши, внутри зданий начали рваться бомбы, сброшенные тройкой F-104G почти одновременно. Прицельный комплекс NASARR F15A-41B, предназначенный для работы по малоразмерным целям в сложных метеоусловиях ночью, днем, да еще по большим зданиям, сработал безукоризненно. Прибежавшие на звуки бомбежки жители поселка Вельцин начали было разбирать месиво из разбитых кирпичей, но находили только окровавленные ошметки, по которым нельзя было даже понять, кому они при жизни принадлежали. Ну, а потом... Потом им стало сильно не до этого.

16:30, время московское, Киев, столица УССР. Цех покрытий завода номер 784 Киевского совнархоза. Через 30 минут после начала конфликта

– Оксана, как ты говоришь? В рыбный фарш надо добавить грамм сто свинины? – уточнила ее подруга.

– Да, трошки, чуть-чуть. И тогда рыбные котлеты будут очень сочные.

Оксана как раз заканчивала вынимать из сушильной камеры последние в эту смену готовые корпуса. Внезапно завывла сирена. Мерный, какой-то искусственный голос проревел на весь цех из динамика: «Внимание, угроза атомного нападения. Всему персоналу завода занять места в убежищах согласно плану. Внимание...»

Ничего не понимающие рабочие пошли к входу в убежище. Там на них, стоя у открытой двери, уже орал начальник смены:

– Быстро, быстро! Через три минуты закрываем двери!

– Ничего себе, закрываем! А домой когда? Это чего вы удумали, перед выходным, да еще и уже после работы свои дурацкие учения по ГО проводить!¹⁹ А у меня сейчас домой муж придет голодный! – начала качать права Оксанина подруга.

– Дура! Это не учения! Команда тревоги сверху пришла! – закричал на нее начальник. – Все зашли? Всё, закрываю, – с этими словами он задвинул тяжелую дверь и начал крутить штурвал кремальеры на двери.

Притихшие рабочие рассаживались по лавкам убежища в свете тусклой лампочки. За перегородкой механики, тихо матерясь, пытались запустить дизель-генератор.

– Ну что там у вас? – недовольно крикнул им начальник.

– Сейчас, сейчас.

Генератор чихнул раз, другой и заработал. И в этот момент на людей в убежище с грохотом обрушился потолок.

Убежище, построенное в 1946 году вместе с заводским цехом, было в начале пятидесятих усилено, оборудовано фильтровентиляционной установкой, но по своей сути оставалось обычным бомбоубежищем, которое могло выдержать близкий взрыв атомной бомбы первого поколения, мощностью до пятидесяти килотонн. Но близкий подрыв термоядерной боеголовки мощностью полторы мегатонны убежище не выдерживало. Именно такую боеголовку несла упавшая на Киев ракета PGM-17 «Тор», запущенная двадцать минут назад семьдесят седьмой эскадрилей Королевских ВВС Великобритании с авиабазы Фелтвелл. Люди в убежище оказались первоначально защищены от светового излучения и проникающей радиации ядерного взрыва, произошедшего всего в двух с половиной километрах, но потом ударная волна смела здание цеха как карточный домик, вскрыв убежище, как консервную банку.

Оксана очнулась от того, что ей на лицо капает вода. Она открыла глаза и увидела небо, затянутое тучами разных цветов, от серого до иссиня-черного, еле видимыми в сумеречной дымке. Она сначала не поняла, где находится. Они же все спустились в убежище. На занятиях по ГО им же говорили, что их убежище выдержит атомный взрыв, надо только успеть в него забежать. И почему она лежит, она же сидела на лавке? Она попыталась встать, но безуспешно; подняв голову, она поняла, почему. На ногах у нее лежала искореженная бетонная балка перекрытия. Как ей не раздавило ноги, непонятно, а может, раздавило? Она же почти их не ощущает. Только чувствует, как по ногам медленно течет что-то теплое. Она попыталась осмотреться, поворачивая голову влево-вправо, надеясь увидеть кого-нибудь живого, но увидела только изломанные тела ее подруг и просто рабочих ее цеха. Она попыталась кричать, но быстро потеряла силы. И тогда Оксана просто тихо, беззвучно заплакала, глядя на низкое, страшное небо со ядерными тучами. Она смотрела на него, вспоминая то ночное небо с бесчисленными звездами, на которое смотрела тогда вместе с Борисом. Жизнь медленно уходила из ее молодого тела, а она все тихо плакала, беззвучно вопрошая небеса: почему так получилось? За что так с ней поступили?

16:55, время московское, Ярославская железная дорога, перегон Переславль-Залесский – Загорск, поезд Кострома – Москва. Через 55 минут после начала конфликта

Леночка лежала на нижней полке, головой к двери купе. Она опустила плотную шторку на окно, пытаясь подремать хоть какую-то часть дороги. Но сон не шел, в голове у нее все крутились разные мысли. За последние три дня она порядком вымоталась. Сначала четыре дня назад ее вызвал начальник отдела и непререкаемым голосом приказал завтра собираться в командировку в Кострому, на машиностроительный завод. Туда, как оказалось, утром из Красноармейска выехала куча народу, почти три вагона были заняты рабочими и инженерами НИИ-58.

---

¹⁹ ГО – гражданская оборона в СССР.

На самом деле это все называлось «развертыванием дублирующих производств в угрожаемый период», но Леночку, точнее Елену Сергеевну Белову, как ее почтительно называло местное начальство, эти высокие материи не волновали. Инженеры все время пропадали в заводском ОГТ и ОГМ²⁰, рабочие разбежались по цехам, матерясь по поводу поиска нужного инструмента или оснастки.

А на Леночку обрушилась вся рутинная бытовая и хозяйственная подоплека размещения множества людей на новом месте. Поэтому она даже обрадовалась, когда ее начальник отослал обратно в Красноармейск, забрать какие-то аттестационные документы для группы сварщиков, без которых местный военпред никак не хотел принимать первые детали. В Костроме, в нескольких цехах машиностроительного завода, по плану должно было быть развернуто мелкосерийное производство некоторых типов жидкостно-ракетных двигателей, но Леночка этого не знала. Она просто хотела доехать до дома и хоть ночью наконец-то выспаться. И надо еще решить, что ей делать с двумя письмами Александра, так и лежавшими у нее в сумочке без ответа. Она вдруг вспомнила, что ее начальник за прошедшие два дня вспоминал Сашу раз двадцать, все сокрушаясь, как его сейчас не хватает. И он красивый, сильный. И комнату ему уже дали сразу же, когда он пришел на работу. Значит, он перспективный? И, в конце концов, ей было с ним хорошо тогда, в прощальную ночь. Может, это и есть ее принц, которого она все время ждет, только она, дура, не замечает его у себя под носом? Решено, завтра она ему напишет. Хорошее, длинное письмо, чтоб он понял, что его здесь ждут, и не заглядывался на всяких местных. С этими мыслями она начала дремать, убаюкиваемая покачиванием вагона. Она не знала, что вот уже сорок минут назад на авиабазе Лаури, штат Колорадо, незнакомый ей офицер в чужой форме ВВС США нажал кнопку запуска, запустив на другую сторону планеты очень сложное инженерное произведение, называемое HGM-25A «Titan-1» компании «Martin Marietta». С боеголовкой W38 мощностью четыре с половиной мегатонны. Она вообще-то была нацелена на зенитно-ракетный дивизион комплекса С-25 «Беркут», развернутый на втором кольце Отдельной армии особого назначения войск ПВО неподалеку от города Александров. Просто Леночке не повезло, ее поезд как раз проходил неподалеку от стартовой позиции дивизиона. «Неподалеку» означало семь километров, но для боеголовки такой мощности это означало почти что прямое попадание. Поезд как раз шел по выемке в железнодорожном пути, поэтому он не был сметен ударной волной сразу, а был просто смят и искорежен. Но перед этим купе Леночки в мгновение ока залило ярчайшим светом, несмотря на опущенную шторку. Свет был такой яркий, что Леночке показалось, что купе горит. А потом, словно сжатый рукой гиганта, вагон в одну секунду превратился в обугленную развалину. И только после этого пришел звук, даже не звук, грохот, от которого заложило уши. Когда Леночка пришла в себя, чудом уцелев в обломках вагона, она ничего не видела, только все сильнее болела голова. Перед глазами плавали разноцветные круги, она попыталась встать и на ощупь выбраться из искореженной перекрученной кучи обломков, которые еще минуту назад были новеньким железнодорожным вагоном, сделала несколько шагов и просто упала на землю. Леночку вырвало, вывернуло наизнанку, она сотрясалась в конвульсиях, казалось, ее организм старается извергнуть из себя все, включая свои внутренности. Голова уже болела так, что Леночка кричала, хрипела от боли, пытаясь найти в крике какое-то облегчение. Спазмы на какой-то момент закончились, Леночка привсталла на колени, подняться сил не было совершенно. Зрение кое-как возвращалось, радужные круги плавали в глазах по-прежнему, но теперь сквозь них можно было что-то увидеть. Она первым делом оглядела себя и ужаснулась – она, всегда чистенькая и опрятная, сейчас была каким-то полуобгоревшим чудовищем в клочьях изорванной одежды. Ее снова вывернуло, но она все-таки смогла перевести взгляд с себя на местность вперед. Ничего не было. Ничего из обычного русского пейзажа – ни деревьев, ни полей, ни домиков вдали. Перед

²⁰ Отдел главного технолога, отдел главного металлурга.

ней стояла только клубящаяся стена, багрово-красная, с черными пятнами, в которых вспыхивали и гасли молнии. Она с трудом подняла голову вверх. Оказывается, это была не стена, а ножка гигантского гриба, шляпка которого терялась там, далеко-далеко в высоте. Это усилие отняло у Леночки последние силы. Боль в голове стала нетерпимой, и пришла темнота. Леночка получила более девятисот бэр и умерла, умерла тихо и беспомощно...

20:55, время московское, местное время – 10:55. Город Уичита, штат Канзас, США. Завод компании «Боинг», сборочный цех. Через 2 часа 55 минут после начала конфликта

Энн и не думала выходить на работу. Последние два часа по радио комментаторы взахлеб, перебивая друг друга, сообщали о падающих на Америку советских ракетах. Она сидела на своей кухне у радиоприемника, соседи попрятались в свои радиационные укрытия, а у нее не было укрытия. Энн внезапно осознала, что она тоже всего-навсего мишень, которую можно убить с такой же легкостью, как убивали японцев в их городах, как же они там назывались, да, Хиросима и Нагасаки. Но потом пошли новости об ответных ударах наших доблестных USAF, которые наверняка превратили всю страну чертовых комми в сплошную асфальтированную автостоянку, как сказал Уолтер Кронкайт, ведущий новостей CBS. Ее даже насмешили его последующие слова, он сказал что-то типа: «Теперь наш президент пошлет туда бравых морских пехотинцев, чтоб они нанесли разметку». А потом позвонили с завода, сказали, что надо срочно выходить на работу. Ракеты русских все уже упали, бомбардировщиков у них почти нет (это Энн слышала и от Пита), можно не бояться. Тем более обещали двойную оплату, а если они закончат сборку тех машин, что стоят уже в цеху, до двадцать девятого числа, то они получают еще вдобавок большую премию. Подъехав на своем стареньком «форде» к стоянке возле территории завода, Энн увидела «плимут» Сьюзанн.

– Ты тоже польстилась на дополнительные баксы? – насмешливо сказала Сью, выходя из машины.

– Ну да. Тем более что у меня нет укрытия. А ты? – в ответ спросила Энн.

– Аналогично! – иронично ответила Сью.

– Сунулась было к соседям, они у меня же занимали двести баксов, чтобы расплатиться с фирмой за это чертово укрытие, так сосед мне сунул в нос свой дробовик и закрыл передо мной дверь. Хотела поджечь эту чертову дверь, даже за канистрой пошла в гараж к себе, да услышала, как у меня телефон звонит.

Так, болтая обо всем, они вошли на территорию завода, подходя к сборочному цеху, в котором уже повсюду горел свет и кипела работа. Сью спросила:

– Энн, как думаешь, где сейчас твой Пит? Уже над Советами?

Энн открыла рот, чтобы ответить Сью, но вдруг по ушам резанул вой сирены. Девушки сначала оцепенели, а потом бросились к зданию цеха, просто инстинктивно ища какую-то защиту. Но сзади них внезапно вспыхнуло солнце, ярчайший свет залил все вокруг, это длилось какую-то долю секунды, в которую Энн еще чувствовала, как горит ее тело. Потом мощный удар снес их обугленные останки, снес цех вместе со всем содержимым. Остался только бетонный цоколь фундамента цеха, с двумя четкими тенями от девушек.

Ракета 8К65 из числа второго залпа ракетной дивизии на Кубе, достигла Уичиты. Город, в котором размещено целых пять авиационных заводов, не мог быть пропущен в списке приоритетных целей.

«Атомные фотографии», о которых с таким пафосом говорил тридцать пятый президент США Барри Голдуотер, все-таки появились на американской земле.

18:33, московское время, 16:33, время местное. Воздушное пространство на северо-западе ГДР. Через 33 минуты после начала конфликта

Сказать, что капитан Гюнтер Фюльграббе был зол, это все равно что ничего не сказать. Он злился на себя за то, что проглядел эту молниеносную атаку одиночного «старфайтера», который, как коршун, свалился на них из облаков, почти не снижая скорости, зашел в хвост одному из его «мигов» и сбил его одной короткой очередью из пушки. Сразу видно, ас, из тех, кто воевал рядом с ним в прошлую войну. Он злился на того придурка, сгоревшего в «миге», который несколькими минутами раньше вздумал изображать из себя благородного рыцаря, и вот теперь горит в упавшем самолете, вместо того чтоб принимать поздравления с первой победой. А ему, Гюнтеру, еще предстоит самое отвратительное, что может произойти у командира – объяснять жене и родителям погибшего летчика, почему он, Гюнтер, стоит перед ними живой и здоровый, а их сына даже похоронить по-человечески сложно будет. Но долго заниматься самоедством ему не удалось. В ушах захрипел голос командира эскадрильи, патрулирующего севернее:

– Второй, доложите обстановку.

– Я второй, сбил одного, потерял тоже одного. Остаток по топливу на двадцать минут патрулирования.

– Второй, слушай новую задачу. Вы идете сопровождать эскадрилью русских на штурмовку позиций северо-западнее Любека. Я останусь прикрывать заданный район.

– А где остальные наши и русские истребители? На наших старичках сопровождать целую эскадрилью неразумно.

– Может, ты и не знаешь, Гюнтер, но недавно началась Третья мировая война. Все новые истребители подняты на перехват западных ударных самолетов, которые могут нести ядерное оружие. Так что давай, пристраивайся к русским.

Как бы в подтверждение этих слов Гюнтер увидел группу незнакомых самолетов, издали напоминающих американские «суперсейбры», летевших длинной колонной пар с превышением, с юго-востока.

– Второй, связь с русскими на нашей частоте. Русский не забыл? – предупредил комэск. Гюнтер, едва успев довернуть свой «миг» параллельно растянутому строю русских, услышал в наушниках новый голос:

– Истребители, держитесь на семь часов и выше на пятьсот метров. После атаки нас не провожать, вы за нами все равно не угонитесь.

«Какая у них, интересно, максимальная скорость?» – думал Гюнтер, с интересом смотря на машины с очень скошенными назад стреловидными крыльями, под которыми висели бомбы и блоки НУРС²¹.

«Судя по углу стреловидности, раза в полтора больше моего МиГ-17. И как я их должен прикрывать?» С этими мыслями он не заметил, как они пересекли внизу серо-стальную ленту реки Траве. Граница, они уже над Западной Германией. Его мысли оборвал голос ведомого:

– Вижу противника, восемь истребителей на десять часов. Черт, это англичане!

Командование английских ВВС в ФРГ, размещенное в Рейндалене, согласно директиве второго ЦУВО, заранее рассредоточило свои самолеты, дополнительно перебросив одну эскадрилью новейших перехватчиков «лайтнинг» F. Mk. 1, разработки недавно образованной компании British Aircraft Corporation, на передовой аэродром Шлезвиг. Перехватчики находились на аэродроме в готовности номер один всей эскадрильей и поэтому успели взлететь до того, как на него упала советская ракета 8К14 с ядерной боевой частью. Поначалу, взлетев, они растерялись – по радио шел сплошной треск, по сторонам и позади вспухали грибы ядерных взрывов. Диспетчер второго ЦУВО и командование английских ВВС в Рейндалене не отвечали на запросы. Вообще ситуация стала напоминать пожар в борделе во время наводнения. Поэтому командир эскадрильи, наконец-то получив хоть какие-то сообщения от уцелевших постов первого полка

---

²¹ НУРС – неуправляемый реактивный снаряд.

РЛС-контроля люфтваффе, принял решение самостоятельно. Он выделил одну четверку на перехват группы бомбардировщиков Ил-28, рвавшихся как раз к уцелевшим позициям РЛС, а сам повел оставшуюся восьмерку на более опасного врага – с востока к Любеку летела эскадрилья новейших Fitter'ов²².

В итоге он, погнавшись за двумя зайцами, совершил ошибку – при заходе четверки «лайтнингов» на «илы» выяснилось, что они не одни, за ними еще пара Farmer, МиГ-19С. «Лайтнинги» успели сбить только одного «мясника»²³.

Потом на них сзади свалилась пара МиГ-19, сразу свалившая последнего ведомого, и оставшаяся тройка ввязалась в догфайт с «мигами». Ил-28 тем временем беспрепятственно отбомбились по позициям РЛС. Над целью, правда, «илы» потеряли еще одну машину, от наземного огня, и на отходе были повреждены еще две, но РЛС-контроль над этой северной частью воздушного пространства командование НАТО временно потеряло. Атаковать восьмеркой группу Fitter'ов с ходу тоже не вышло. Заходя им в лоб, английский командир с неприятным удивлением обнаружил, что у Су-7Б тоже есть тридцатимиллиметровые пушки, и тоже по паре на каждой машине. «лайтнинги» отвернули со встречного курса, надеясь зайти Fitter'ам в хвост, чтоб использовать ракеты воздух-воздух Firestreak, но не тут-то было. Во-первых, Су-7Б резко прибавили газу, отрываясь от него, а «лайтнинги» все-таки оптимизировались для перехвата советских бомбардировщиков на больших высотах, внизу они были тяжеловаты. Во-вторых, уходя резким разворотом с набором высоты от неожиданно плотных двадцати четырех пушечных трасс, они потеряли скорость. А в-третьих, как раз в этот неудобный момент их атаковала семерка Fresco. Гауптман Гюнтер Фюльграббе был доволен. Старенькие МиГи его группы получили реальный шанс использовать свои немногочисленные преимущества, атакуя англичан на малой высоте, да еще без скорости. Чистый маневренный бой на виражах, в этом МиГ-17 могли противостоять разве что «сейбры», но сейчас-то у него в прицеле был «лайтнинг»! Получив в хвост с десятков двадцатитрехмиллиметровых снарядов, ведущий последней английской пары сразу взорвался. Ведущий второй четверки «мигов» тоже попал, его англичанин «запарил», сразу отвернув со снижением на запад. Последняя пара «мигов» кинулась было добить подранка, но англичане не бросили своего, одна пара сразу отсекала «мигов» от своего подбитого, оставшаяся четверка закрутила карусель с пятью «мигами», стараясь затянуть «миги» на высоту. Долгое время Гюнтер крутился со своим ведомым в свалке с англичанами, семь на шесть – это почти равное соотношение, если учесть более крупные пушки англичан. Никому не удавалось поразить противника, обе стороны дрались грамотно, прикрывая друг друга и отсекая противника, когда кому-то удавалось на секунду зайти неприятелю в хвост. Пару раз лайми пускали ракеты, но бесполезно, ракеты Firestreak, наводящиеся по методу погони, совершенно не годились против юрких МиГ-17. Изделие фирмы De Heaveland Propelle, выполненное по нормальной аэродинамической схеме, наверное, работало бы против советских тяжелых бомбардировщиков, но не против маневренных Fresco. Каждый раз, когда «лайтнинг» заходил в заднюю полусферу МиГ-17 и пробовал произвести пуск ракеты, пилот Fresco, отчетливо видя пламя пуска, или предупрежденный товарищами, выполнял резкий маневр, срывая захват слабенькой инфракрасной головки самонаведения Firestreak. Неожиданно в наушниках Гюнтер услышал знакомый голос ведущего эскадрильи Су-7Б:

– Мы закончили работу, спасибо за прикрытие!

И буквально через минуту над клубком дерущихся истребителей стали на форсаже проноситься Fitter'ы. Выскочившую было к ним пару «лайтнингов» его пара отогнала длинными очередями, вдобавок удалось снова зацепить одного, но не сильно. «Живучие машины, не то

²² Fitter – обозначение в НАТО советского истребителя-бомбардировщика Су-7Б.

²³ Butcher, мясник – обозначение в НАТО советского бомбардировщика Ил-28.

что «старфайтер». Тому всего чуть-чуть хватило, а этот получил снаряд в крыло, и ничего, только из боя выходит», – подумал Гюнтер.

– Третий второму, у меня топлива только домой! – предупредил его ведущий второй четверки.

– Оттягиваемся курсом девяносто, выходим из боя по возможности! – скомандовал Гюнтер.

Англичане, имея всего пять боеспособных самолетов против семи, видя, что противник не преследует их подбитого товарища, тоже отвалили на запад.

18:44, московское время, 16:44, время местное. Воздушное пространство на северо-западе ФРГ. Через 44 минуты после начала конфликта

Подполковник Эрих Альфред Хартманн, позывной Bubi, летел над своей страной в смятенном состоянии. На месте его родной авиабазы Витмундсхаффен был еще дымящийся оплавленный кратер, не было ничего, ни полосы, ни строений. Он уже три минуты безуспешно вызывал штаб своей четвертой авиадивизии. Когда он совсем отчаялся, внезапно услышал голос в наушниках:

– Bubi, это авиабаза Аурих. Садись на запасной площадке развертывания на автобанае А31 возле Грасхаус.

«Старфайтер» Хартманна, в последний раз устало взревев двигателем, зарулил на указанную незнакомым техником стоянку. «Черт, а мой техник тоже наверняка погиб», – запоздало подумал Эрих. Рядом со своей стоянкой он увидел замаскированные силуэты других F-104. По номеру на одном из них он понял, что эти – с авиабазы в Аурихе, на которых летчики третьего штаффеля проходили переучивание со старых «сейбров». А где остальные машины его гешвадера? Он только теперь начал смутно осознавать размер понесенных потерь.

– Вас просят пройти в мобильный командный пункт, он вон там, сразу за стоянкой самолетов. Я буду обслуживать вашу машину, с вашей авиабазы не уцелел ни один человек. Кроме заправки, пополнения боекомплекта и обслуживания с машиной что-то надо делать, она нормально себя вела? – обратился к нему пожилой техник в замасленном комбинезоне, приставляя к самолету стремянку.

– Нормально, ничего не надо. Только вот что, найди краску и нарисуй мне еще один крестик – я завалил одного. Да, и еще, подвесь пару «Сайдвиндеров», сегодня их мне здорово не хватало, – ответил ему Эрих и пошел мимо стоянки самолетов к мобильному КП.

В мобильном КП его встретил замотанный дежурный.

– Господин подполковник! Обстановка совершенно запутана, КП в Калькаре на вызовы не отвечает. Не отвечает также оперативное командование ВВС страны в Порц-Ване и второй ЦУВО. Единственное начальство, которое есть на связи, это штаб третьей авиадивизии. От него получен приказ сажать все самолеты, которые возвращаются от линии фронта, на развернутые площадки рассредоточения, с которыми есть связь. Относительно вас мне поступила команда заправить ваш самолет и просить вас подождать здесь, пока хоть что-то не прояснится. Вы можете отдохнуть, палатки для пилотов развернуты в лесу, за нашим КП.

– Я видел больше десятка ядерных взрывов только на севере Германии, когда летел к границе. И после боя, когда летел назад, – задумчиво обронил Эрих.

– Как слетали? – вежливо поинтересовался дежурный.

– Мы с ведомым «убили» две ракетных установки, правда, уже после пусков. Потом нас подловили «Фреско» и сбили моего ведомого, я завалил один «Фреско». Еще пару установок вместе со зданиями, где они прятались, разбомбило звено моей первой эскадрильи. Кстати, ты не знаешь, где они?

– Их посадили на такой же площадке на шоссе E22 возле Фильзума. Авиабазы в Лере тоже уничтожены.

– Хорошо, я пойду отдохну пару часов. Может, даже удастся заснуть. С самого утра на ногах, потом еще этот бой. Буди меня сразу, как только я понадобится.

22:35, московское время, 20:35, время местное. Запасной аэродром бундеслюфтваффе на автостраде A31 возле Грасхаус. Через 4 часа 35 минут после начала конфликта

Эрих долго не мог понять, где он. Сначала он не мог заснуть, но потом провалился в кошмар, в котором он летел один на своем «старфайтере», а со всех сторон поднимались грибы ядерных взрывов. Только через минуту он сообразил, что лежит одетый на койке в палатке и его трясет за плечо давешний дежурный лейтенант.

– Вставайте, герр подполковник, вам срочно надо вылетать в Аурих. Оттуда прислали за вами вертолет и даже отправили с ними вашу форму.

Эрих покосился на свой кое-как расшнурованный высотнo-компенсирующий костюм, в котором он завалился на койку.

– К черту вертолет. Мой «старфайтер» уже заправлен? Боекомплект у пушки пополнили? Вот и отлично, а вертолет с формой отправьте обратно. И запихните в него моего нового техника.

Через пятнадцать минут F-104G с черным тюльпаном на фюзеляже, взмыв в ночное небо, взял курс на авиабазу Аурих.

Сразу в здании КП базы его встретил начальник штаба третьей авиадивизии и, не говоря ни слова, протянул ему микрофон радиостанции. Эрих, удивленно пожав плечами, тоже не говоря ни слова, взял микрофон, одновременно садясь на свободный стул и надевая наушники.

– Я подполковник Эрих Альфред Хартманн, командир того, что осталось от семьдесят первой истребительно-бомбардировочной эскадры «Рихтгофен». Кто со мной говорит?

– Говорит генерал Йозеф Каммхубер, – раздался голос в наушниках.

«Генерал Каммхубер, бывший заместитель министра обороны по ВВС. Но что ему надо от командира гешвадера?»

– Приветствую вас, генерал! – начал было Эрих, но его резко оборвали:

– Заткнись, Vubi, и слушай меня очень внимательно. Это очень хорошо, что ты уцелел. Потому что из авиационных командиров союзников в зоне «Север» ты единственный, кто остался. Так что прекращай геройствовать и начинай работать, ты теперь руководишь командованием «Север». И, возможно, заодно вторым ЦУВО тоже. Пока из-за океана или с острова не пришлют кого-нибудь чином повыше. Кстати, рядом с тобой должен находиться твой новый начальник штаба. Он введет тебя в курс дела. Конец связи.

Хартманн, еще держа микрофон с наушниками в руках, повернулся к бывшему начштаба третьей авиадивизии и, понимая, что задает глупый вопрос, все-таки спросил:

– А где все?

Новоиспеченный начальник штаба командования «Север» устало взглянул на своего нового командира, вздохнул и глухим, каким-то безжизненным голосом начал говорить:

– Штаб командования второго ЦУВО в Рейндалене уничтожен через семнадцать минут после получения команды от верховного командования союзными силами в Европе о начале боевых действий, ракетно-ядерным ударом, ориентировочно русские сбросили на него одну мегатонну. Эти чертовы английские снобы даже не подумали убраться оттуда в запасной бункер – КП под Гладбахом. Впрочем, им бы это мало помогло, персонал запасного командного пункта «Гладбах» атакован и уничтожен диверсантами красных. Оперативное командование бундеслюфтваффе в Порц-Ване и штаб командования ВВС «Север» в Калькаре тоже получили по мегатонне. В нашей зоне ответственности подверглись ядерным ударам командные

центры, узлы связи и места дислокации: Удем, Маастрихт, Ненбург, Минден, Ферден, Мюнстер, Вессель, Эммерих, Арнем, Амстердам, Роттердам, Брюссель, Фленсбург, Вейле, Гамбург, Ганновер, Бремен, Билефельд, Копенгаген, Харбург, Брекендорф, Вансдбек, Роскилле, Кольдинг, Рендсбург, Штаде, Бремерферде, Ротенбург, Зольтау, Бассум, Брауншвейг, Хильдесхайм, Фиссельхёфде, Латцен, Вальсроде, Падеборн, Хамм, Иббенбюрен, Херфорд, Ахим, Эсбьерг, Нестед, Итцехо, Ольдеслоэ, Бракель, Альт-Дуфенштедт, Гох, Клоппенбург, Бракель, Геттинген, Кассель, Хемелинген. Атакованы аэродромы Лаарбурх, Гютерсло, Брюгген, Нордхорн, Ольборг, Каруп, Лер, Оснабрюк, Хопстен, Гревен, Эйндохвен, Аспере, Удем, Вегберг, Нёрвених, Шлезвиг, Витмундсхаффен, Ольденбург, Йевер, Нордхольц, Лек, Ноймюнстер, Альхорн, Виборг. Атакованы военно-морские базы и порты Экернвёрде, Свендборг, Фредеричия, Хадерслев, Ольборг, Фредериксхаффен, Хусум, Везермюнде, Харлинген, Ден, Хельдер, Гравенхаге, Флиссинген, Остенде, Киль, Вильгельмсхаффен, Куксхаффен, Оденсе, Эмден. Этот список еще уточняется. Минимальная мощность каждого из этих ударов, по предварительной оценке, двести килотонн. Все это произошло в течение получаса после того, как нам пришла команда от SHARPE. Также атакованы базы ЗРК и позиции РЛС, потери еще уточняются. Но уже известно, что в течение первого часа те передовые посты РЛС, что уцелели при ракетной атаке, подверглись ударам бомбардировщиков красных, так что РЛС-контроля у нас над Германией нет. Вообще нет в нашей зоне ответственности командования «Север». Принимаются меры к исправлению ситуации, мы перебрасываем вертолетами резервные РЛС из Бельгии и Голландии, но контроль будет восстановлен только к шести часам завтрашнего числа, вернее уже сегодняшнего. До этого я принял решение не совершать новых вылетов, без управления мы несем слишком большие потери. Кстати о потерях. Мы потеряли почти полностью твою семьдесят первую истребительно-бомбардировочную эскадру «Рихтгофен», пятьдесят первую разведывательную эскадрилью. Бельгийцы потеряли целиком второе истребительно-бомбардировочное крыло, голландцы триста семнадцатую истребительно-бомбардировочную эскадрилью. То есть все части, которые переучивались на новые F-104G и не успели рассредоточиться. Остальные части потеряли меньше, от трех до шести самолетов, не успевших взлететь по тревоге. У англичан вообще нет потерь на земле. Вообще на земле на аэродромах второго ЦУВО потеряно предположительно около ста самолетов от первой ракетной атаки русских.

– А что, есть потери на земле и от других причин? – ошарашенный всей этой лавиной плохих новостей, спросил Эрих.

– Аэродромы Сустерберг, Волкел в Голландии и Бовешен, Бьерсе, Мельсбрук в Бельгии во время взлета по тревоге атакованы группами диверсантов с использованием пулеметов и противотанковых гранатометов, всего потеряно двадцать пять и повреждено до десяти самолетов. Группу, атаковавшую аэродром в Сустерберге, удалось заблокировать и частично уничтожить, обнаружено восемь убитых диверсантов. Теперь самое интересное. Трупы одеты в камуфляжную форму французского образца со знаками различия третьего парашютного батальона Иностранного легиона и вооружены французским оружием, включая гранатометы LRAC MLe 50. Также на автобанах совершено нападение на командира моей третьей авиадивизии, он ехал вместе с начальником оперативного отдела на совещание в Калькар. Их машина обнаружена расстрелянной из автоматического оружия в двадцати километрах отсюда, тела пропали.

– Шайзе! – выругался Эрих. – А что по этому поводу говорит французское командование?

– Молчит. Более того, французы получили от американцев со складов на востоке Франции двадцать единиц атомных бомб Mk8 для своих «вотуров», еще 25 октября, это мы только что узнали. Но ни один из них до сих пор не взлетел. Вообще ни один французский самолет не поднялся в воздух в нашу зону второго ЦУВО, только обычные патрульные полеты во Франции. Кстати, ни одна русская ракета не упала на французскую территорию. И в завершение такой факт: с нами связался представитель третьего армейского американского корпуса

по поводу прикрытия с воздуха, его части начали выдвижение на восток согласно директиве СЕТАГ. Французский корпус остался на месте, на все попытки связаться отвечают, что ждут команду из Парижа.

– Доннерветтер! – снова ругнулся Эрих. – Похоже, наш добрый партнер по Альянсу, старина де Голль, решил запрыгнуть на забор и посмотреть оттуда, как нас будут убивать.

– Похоже на то, – меланхолично произнес начштаба. – Но на этом плохие новости не кончаются. Ракетной атакой комми уничтожены склады ядерного и химического оружия, те, что были возле Мюнстера, Гоха, Мёнхенгладбаха, Хиллероде. И склады обычных боеприпасов возле Виссельхеведе и Целле. Со склада возле Мюнстера передать ядерные бомбы Mk28 согласно директиве второго ЦУВО от десятого числа не успели. Остались еще американские склады во Франции, но это вне нашей зоны второго ЦУВО. Командование семнадцатой воздушной армии USAF хочет выгрести оттуда *всё*, но в связи с вышеизложенными событиями, у них это может и не получиться. Сейчас фактически у нас только один склад ядерного оружия в Бельгии, возле Кляйн-Брогел, но доставка по авиабазам планируется только с рассветом. Ночью американцы рисковать не хотят, учитывая наличие в этом районе диверсионных групп. В воздушных боях наши потери около двадцати машин, сбито около пятидесяти самолетов противника, но сам знаешь, вот эту цифру надо делить минимум на два. Из тридцать второй эскадрильи ударных самолетов из семнадцатой воздушной армии USAF с ядерным оружием взлетели все. Сейчас результаты уточняются, на 20:30 вернулись девять машин из пятнадцати, уничтожены мост на Висле возле города Торунь, мост на Одере возле Франкфурта, аэродромы Темплин, Цербст, Финстервальде, это достоверно известно. И это всё без англичан и канадцев, мы знаем только, что они успели подняться в воздух. Свои результаты они нам не сообщают, есть ли у них какое-то общее командование сейчас, кроме уничтоженного британского КП в Рейндалене, я не знаю. А связываться с каждой британской базой, чтобы спросить, что они там навоевали, у нас не хватает времени. Я послал в 18:30 три оставшихся самолета из пятьдесят первой разведывательной эскадрильи, они до сих пор не вернулись и, видимо, уже не вернуться, время по топливу уже вышло. Посылать авиаразведку снова, когда ПВО красных целехонько, я не стал, а теперь это твоя головная боль.

– Спасибо, – с сарказмом проговорил Эрих. – Еще что-то?

– Непонятно, почему-то уцелела наша авиабаза в Аурихе. Все остальные крупные аэродромы красные обработали ядерными ракетами²⁴. Но красные могут исправить эту недоработку. Поэтому, как только будет развернут запасной КП, мы перебираемся туда. Отсюда надо отогнать твой самолет, вообще, какого черта ты на нем сюда прилетел? Я же посылаю за тобой вертолет!

– Извини, не подумал, что я стану такой важной авиационной шишкой, – проворчал Эрих. – Пилоты хоть здесь есть?

– Девять человек, из тех, что проходили переучивание с F-86, – протер красные, как у кролика, глаза начштаба.

– Вот пусть они этим и занимаются. Перегнать надо не только мой самолет, но и все старые «сейбры», чует мое сердце, они нам понадобятся. Во всяком случае, сегодня, нет, уже вчера, один комми на «фреско» подбил моего ведомого. Значит, так, составь график, куда и когда надо перегнать самолеты, и иди спать, раз я уже здесь. Все равно до рассвета ничего нового не случится.

Эрих ошибался. Не прошло и получаса, как начштаба, наскоро расписав график вылета самолетов и вертолета, чтобы в нем забирать обратно пилотов, ведь их было всего девять,

---

²⁴ Начштаба не знал, как ему повезло. Ракета P-12, запущенная из позиции под Мариямполье по Ауриху, из-за нарастающей ошибки автопилота отклонилась от курса на активном участке, сработал механизм АПР, и обломки ракеты упали в болота Восточной Польши неподалеку от Ольштына.

а самолетов больше тридцати, рухнул на койку в соседней комнате, когда начали приходить новости. Неприятные. Сначала от наземных частей, на которые время от времени сыпались бомбы от ночных налетов противника, с требованием воздушного прикрытия. Потом эти же части, атакованные танками и мотопехотой противника, требовали воздушную поддержку. А что он мог сделать? Без РЛС-контроля, вслепую отправлять самолеты на линию фронта для прикрытия или поддержки с воздуха – это значило просто отправлять их на убой. Потом пришло сообщение о морском десанте возле Любека. Потом пошли сообщения о новых ядерных ударах по узлам обороны Альянса, и так трещавшей по швам, и Эриху стало совсем хреново. Правда, новых ракетных ударов было всего около двадцати, и мощность их была невелика, по сравнению с вечерним кошмаром, по донесениям – около десяти килотонн каждый. Судя по всему, передвижные ракетные комплексы FROG-2 и FROG-3²⁵ советских танковых и мотострелковых дивизий добрались до передовых позиций и начали своеобразный «концерт по заявкам». В смысле, каждый опорный пункт бундесвера, который отчаянно сопротивлялся наступающим передовым частям третьей особой и двадцатой гвардейских армий, максимум через десять минут после запроса получал на голову ракету с боеголовкой мощностью в десять килотонн. К 06:00 Приморский фронт продвинулся по всей линии соприкосновения на двадцать-пятьдесят километров.

Эрих не знал, что разведчики Ил-28Р из состава тридцать седьмой воздушной армии и ВВС ННА ГДР уже предоставили примерную картину обстановки командованию Приморского фронта на триста – четыреста километров от линии боевого соприкосновения. Три машины было сбито уцелевшими от вечернего разгрома комплексами третьей эскадрильи ЗРК «Найк-Геркулес» четвертой авиадивизии бундеслюфтваффе возле Ольденбурга, но остальные вернулись. Еще он не знал, что четыре ударных соединения противостоящего СЕТАГ Приморского фронта, сто шестьдесят четвертая, сто пятьдесят девятая, сто четырнадцатая и сто семьдесят пятая ракетные бригады, загрузив на технических батареях на пусковые установки новые ракеты, заехали на уже подготовленные топопривязкой стартовые позиции. И начали переход в готовность номер один, получив новые цели по результатам авиаразведки. Цели, уничтожение которых позволяло закрепить господство в воздухе тридцать седьмой воздушной армии Приморского фронта. Только что разведанные передовые аэродромные площадки рассредоточения, на которых ночью сидели самолеты второго ЦУВО и полученные с такими жертвами координаты позиций ЗРК. Ракеты были, правда, с боевыми частями 269А мощностью десять килотонн, новых боевых частей РА-17 в ПРТБ Приморского фронта уже не было. А еще он никак не мог знать, что многочисленные транспортные самолеты Ли-2, Ил-14, Ан-8 и Ан-12 с погруженными по команде «Экватор» полками седьмой и сто шестой Краснознаменных орден Кутузова второй степени воздушно-десантных дивизий уже прошли над Вислой.

15:28, время по Гринвичу, 18:28, время московское, в небе над Балтикой, в 120 милях от Клайпеды, борт бомбардировщика В-52G из 13-й эскадрильи 509-го бомбардировочного авиакрыла. Через 28 минут после начала конфликта

Капитан Гриссом был спокоен, насколько может быть спокоен человек, пилотирующий стратегический бомбардировщик с четырьмя ядерными бомбами на борту во время начавшейся Третьей мировой войны. Экипаж молчал, обычных шуточек не было слышно. Десять минут назад по приказу командира задернули специальные затемненные шторы²⁶. Внезапно оператор системы РЭБ, сидящий в задней части кабины спиной к направлению полета, сообщил:

²⁵ FROG-2 – советский тактический ракетный комплекс 2К1 «Марс»; FROG-3 – советский тактический ракетный комплекс 2К16 «Луна».

²⁶ Для защиты от ослепления летчиков при ядерном взрыве.

– Сэр, наблюдаю две отметки, на семь часов.

Тут же стрелок-оператор хвостовой турельной установки, сидевший рядом с ним, сообщил:

– Подтверждаю, дистанция уже три мили, быстро сближаются. Это два истребителя. Уфф, это шведы, – с облегчением выдохнул он.

Через минуту два новеньких перехватчика J-35 «Дракен» с опознавательными знаками шведских королевских ВВС пристроились по сторонам «баффа» Гриссома.

– Долго они телились, мы уже двадцать минут как по кромке шведской границы идем, – меланхолично проговорил Гриссом. Внезапно его оборвал второй пилот:

– Сэр, вспышка на два часа! Еще одна! Еще, почти прямо по курсу!

– Так, это наши парни из ракетных крыльев отстрелялись. Или водоплавающие помогли. – Как настоящий пилот стратегического командования USAF, Гриссом придерживался высокомерно-презрительного отношения к остальным видам вооруженных сил США.

– Сэр, те две, что правее, это Калининград и, предположительно, Балтийск. А прямо – это точно Клайпеда, – сообщил штурман, сверившись с картой.

На месте вспышек уже вырастали гигантские шляпы ядерных взрывов, поднимаясь вровень с высотой полета их бомбардировщика.

– Ну что же, пройдем в дыру, которую нам любезно обеспечили, – довольно сказал Гриссом. – Как там наши шведские спутники?

– Развернулись и мчатся обратно, на форсаже, – сообщил стрелок-оператор.

– Наверное, наложили в штаны. И теперь бегут домой, подальше от разборок больших мальчиков, – сообщил довольный Гриссом. Настроение ему испортил оператор навигационной РЛС, до сих пор молчавший и сидящий на нижней палубе кабины рядом со штурманом лицом к полету:

– Сэр, похоже, разборка будет быстрее, чем мы думаем. Вижу две цели на два часа, быстро идут на сближение, превышение почти на милю.

Через несколько минут две стремительные машины проскочили правее и выше от них, с ходу разворачиваясь и заходя «бафф» в хвост.

– Поднять шторки! А то нас собьют, а мы этого ни черта не заметим. Пит, мне показалось, у них крылья треугольные? – обеспокоенно спросил Гриссом.

– Да, сэр, так точно, когда они заложили вираж на развороте, я четко увидел!

– Плохо, похоже, это новые Fishpot. Они вооружены ракетами, значит, под наши пулеметы они не сунутся, если только по ошибке, – хмуро сказал Гриссом.

– Боб, включай свое банджо. И, как только заметишь пуск ракет, запускай ловушки. Тепловые и радиолокационные, попеременно, – приказал Гриссом оператору РЭБ, назвав банджо систему РЭБ AN/ALQ-172. – А ты, – обратился он к стрелку-оператору, – будь наготове, если они ошибутся и подойдут близко.

Капитан Ментюков, ведущий пары перехватчиков Су-9 пятьдесят четвертого Краснознаменного Керченского гвардейского истребительного авиаполка, считался очень опытным летчиком, налетавшим на Су-9 почти пятисот часов. В этом полку он оказался к началу войны в затянувшейся командировке. Вообще он был летчиком сто сорок восьмого центра боевой подготовки и подготовки личного состава авиации войск ПВО из Савостлейки, но четыре месяца назад его «приписали» к пятьдесят четвертому полку. В мире отчетливо пахло порохом, новый президент США Барри Голдуотер в своих выступлениях переплевывал даже Гитлера в части угроз СССР. В этих условиях Новосибирский авиазавод был переведен на трехсменную работу без выходных и к середине 1961 года выпускал уже сорок машин в месяц. И остро встали проблемы с переучиванием летного состава, летавшего в основном на МиГ-17. Который в 1962 году как перехватчик ПВО смотрелся ну уж совсем устаревшим. Поэтому летчики из Савостлейского учебного центра фактически жили на аэродромах тех полков, которые переходили на

Су-9. И потому с началом войны капитан Ментюков оказался в кабине ведущего пары истребителей пятьдесят четвертого полка, взлетевшей на перехват американца над Балтикой. Более двух лет назад, когда сбивали американского шпиона Пауэrsa, капитан Ментюков как раз перегонял новый Су-9 с завода в полк и сел дозаправиться на аэродроме возле Свердловска. Тогда он получил жесткий приказ взлететь на безоружном самолете и таранить высоко летящий U-2, до которого не доставали более старые истребители. Он уже тогда взлетел, но выполнить приказ не успел, американский шпион был сбит зенитными ракетами. И вот сейчас его пара уже заходит на цель, наверняка тоже американца, и теперь у них оружие есть, восемь ракет РС-2УС на двоих.

Запросчик-ответчик СРЗО-2М системы госопознавания «Кремний-2М» еще три минуты назад выдал сообщение, что это чужой. Они взлетели двадцать минут назад по тревоге с аэродрома в Вайноде, набрали высоту, едва успев получить наведение на одиночную цель со стороны Швеции, как внезапно внизу, у них за спиной начали вставать грибы ядерных взрывов. Ментюков был спокоен за себя, но волновался за своего ведомого. Желторотый лейтенант Андрей Брайцев только что из училища. Еще учить его и учить, но как учить, когда началась Третья мировая война? А вот как раз сейчас и начнем, одиночный бомбардировщик днем – лучших вариантов не найти. Он бросил короткие приказы ведомому:

– Второй, сейчас боевой разворот, меняемся, ты выходишь первый ему в хвост. Пускай ракеты парами.

Потом, разглядев силуэт американца, он добавил:

– Второй, это новая модель Б-52, видишь длинную гузку у него за хвостом? Близко под его пулеметы не лезь и будь готов, он сейчас будет ставить помехи.

Как бы в подтверждение его слов, едва они зашли американцу в хвост, не успев приблизиться на дистанцию применения ракет, в наушниках пошел сплошной треск, а на экране локатора вместо четкой засветки цели появилось какое-то светящееся колесо с медленно вращающимися спицами. «Ну ни хрена себе, – подумал Ментюков, – до него километров восемь, а такая мощность помех. У него на борту, наверное, целый ДнепрогЭС энергии. Хорошо, что сейчас светло и его можно отследить визуально. А ночью он без донаведения с земли бы ушел».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.